

К 1220611

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

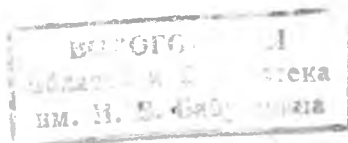
В. Б. КОНАСОВ, В. В. СУДАКОВ

**ЭХО
МИНУВШЕЙ
ВОЙНЫ**

Из истории Вологодской области

**ВОЛОГДА
1994**

К 1220611

63.3(2)

ББК 63.3(2) 722-2

К64

+ кр + к м и

Конасов В. Б., Судаков В. В.

К64 Эхо минувшей войны: Из истории Вологодской области.—
Вологда: Издательство Вологодского ИПКиППК, 1994.—
92 с.: ил.

Научный редактор канд. ист. наук *А. В. Терещук*

Рецензенты: канд. ист. наук *Н. И. Баландин, С. Н. Зайцев*.

Книга повествует о неизвестных страницах истории Вологодского края кануна и периода Великой Отечественной войны. Каждый очерк сопровождается подборка документов. Книга адресована учителям и преподавателям истории, всем, кому небезразлично наше прошлое.

ISBN 5-87590-079-2

©Издательство Вологодского института
повышения квалификации и перепод-
готовки педагогических кадров, 1994

*Светлой памяти военного хирурга
Владимира Феодосьевича Лавдовского
посвящается эта книга*

К ЧИТАТЕЛЮ

Пожалуй, не найдется в нашем Российском государстве ни одной семьи, которой бы так или иначе не коснулась война. До сих пор хранятся у рано овдовевших солдатских жен пожелтевшие от времени фронтовые письма — последняя память о близком человеке. Скромные памятники с красной звездой украшают могилы безвременно ушедших солдат Великой Отечественной, помянуть которых, по русскому обычаю, мы приходим, увы, все реже и реже. А кому-то и приходиться некуда, ибо даже приблизительное количество безымянных могил неведомо всеведущей статистике.

Как же могло случиться, что спустя два года после Победного салюта все еще не была завершена работа по оформлению извещений на погибших и пропавших без вести? Кто и почему распорядился в ноябре 1942 года отменить солдатские медальоны, обрекая тем самым на безвестность сотни тысяч защитников Родины?

Ответы на эти и другие, до недавнего времени замалчиваемые в официальной летописи Великой Отечественной войны, вопросы читатель найдет на страницах книги. Представленные в ней очерки и документы не ставят своей целью дать строго последовательную и исчерпывающую картину военного времени в Вологодском крае. Это задача коллективных научных исследований, необходимость в которых давно назрела. Кстати, фактологическая база для таких исследований заложена предшественниками — вологодскими историками, писателями, журналистами. Другое дело, что запрограммированный тенденциозный подход в освещении событий, уход от «запретных» тем вольно или невольно мешали воссозданию правдивого исторического прошлого.

Великая Победа — это не только результат разгрома немецко-фашистских захватчиков. Это одновременно и преодоление пагубных последствий массовых репрессий, расчетов в оценке планов

и намерений противника, некомпетентного вмешательства доверенных лиц И. В. Сталина в дела сугубо военные, требующие профессиональной подготовки. За победу пришлось заплатить вдвойне еще и потому, что жертвы и страдания народа были приумножены депортационной политикой, бесчеловечным отношением к солдатам и офицерам, оказавшимся во вражеском плену, маниакальным недоверием власть предержащих к собственным гражданам и как результат — непрекращающимся поиском «врагов народа» в тылу и на фронте.

Среди тех, кто будет читать эту книгу, наверняка окажутся люди военного поколения. Очерки и документы всколыхнут в их памяти эпизоды изнурительно долгой, беспощадной войны, суровые, зачастую безжалостные строки армейских приказов, картины разоренных городов и сел.

Помните — сегодня старым солдатам Великой Отечественной и труженикам военного тыла особенно нелегко. И не только в материальном отношении. Эпоху, в которой они жили, любили, мечтали, все чаще называют временем обманутых надежд и ложных идеалов. Однако будем терпимы и справедливы к нашей истории. Поколение сороковых не зря прожило жизнь. По большому счету в смертельной схватке с врагом люди защищали не кремлевских вождей, не продекларированные лозунги всеобщего счастья и благоденствия в «царстве свободы», а своих детей, жен, матерей, тепло домашних очагов, свою малую родину, свое Отечество. Наше с тобой будущее, читатель, в котором никогда не должно быть места фашизму!

ТАЙНЫ ЛАГЕРЯ НКВД

Многие события 105-дневной советско-финской войны (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.) до недавнего времени замалчивались. В планы Кремля входило не только обеспечение безопасности советских границ в районе Ленинграда, но и приведение к власти в Финляндии правительства Отто Куусинена. Слишком дорогой ценой, даже по сталинским меркам, досталась победа: 65384 убитых, 19610 пропавших без вести, 196198 раненых и покалеченных. Документы бывшего «Особого архива» позволили пролить свет еще на одну неизвестную страницу советско-финской войны. Приоткрыта тайна пребывания в СССР пленных солдат и офицеров противника.

В свое время местные власти, не отягощенные религиозным дурманом, разместили в стенах бывшего монастыря под Грязовцем дом отдыха Совлеспрома. В канун 1940 года три каменных корпуса и семь деревянных зданий оцепинились рядами колючей проволоки. Выросли часовые вышки, а дорогу к тихо почившей здравнице перекрыл шлагбаум. Война с Финляндией вступала в решающую фазу, и уже не дом отдыха — новый лагерь НКВД готовился принять около двух тысяч солдат противника.

К 7 января 1940 года из приемного пункта военнопленных в Сестрорецке в Грязовец поступило всего 99 человек. Правда, проблем, связанных с размещением, питанием, охраной и политическим обслуживанием военнопленных, у начальника лагеря лейтенанта госбезопасности Волкова было предостаточно. В ночь под рождество уснул на посту красноармеец Гурин, его товарищ Макин умудрился опоздать на службу из краткосрочного отпуска, а бойцы Кустов, Могарин и Окатов заявили в казарму в крепком подпитии. Инструктор по политработе Гаркунов пленных вообще старался обходить

стороной. Даже шахматами, шашками и домино не обеспечил, не говоря уже о том, чтобы получить из Москвы газеты на финском языке.

Командированный в лагерь по распоряжению заместителя наркома представитель Управления по делам военнопленных Кальманович остался недоволен. Ознакомившись с документацией, заведенной на финнов, он сразу же обратил внимание, что опросные листы заполнены только на 58 человек. Пришлось доказывать, что при одном переводчике с этой ответственной и кропотливой работой управиться не так-то легко.

Глухое раздражение не покидало начальника лагеря и после отъезда московского гостя. Вопреки газетным сообщениям о растущей солидарности финских рабочих с трудящимися СССР, несмотря на широко разрекламированное правительство «Финляндской Демократической республики»^{*}, пленные на попытки пропагандировать среди них социалистические идеи реагировали вяло. Офицеры вели себя до неприличия вызывающе, заявляя: «Красная Армия напала на Финляндию, а мы защищали свою родину». Двадцать семь шюцкоровцев, этих, по определению К. Е. Ворошилова, „вышколенных и натасканных на травле и ненависти к большевистской России членов белогвардейской организации“, начальник лагеря по совету представителя из Москвы поместил отдельно от других военнопленных. Увы, не помогло. Финны неожиданно начали жаловаться на плохое питание и требовать увеличения хлебного пайка. Офицеры же, ссылаясь на свой долг заботиться о солдатах даже в плену, составили соответствующее заявление. Пришлось разъяснять, что «никакие ходатайства не принимались и приниматься не будут, а о солдатах позаботится советское правительство».

...Месяц спустя лейтенант госбезопасности Волков получил сообщение, что в лагерь со специальным заданием начальника Управления по делам военнопленных П. К. Сопруненко выехал еще один представитель Москвы. Старшего батальонного комиссара Д. И. Лисовского, прежде всего интересовали настроения пленных. В своем отчете Дмитрий Иванович записал, что многие (явное преувеличе-

^{*} Это правительство во главе с секретарем Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом было создано 1 декабря 1939 года в г. Терийоки (ныне Зеленогорск). По замыслу Кремля должно было затем обосноваться в Хельсинки и обеспечить «руководство будущей народной власти на освобожденной территории». Однако недооценка противника, стойкое сопротивление финской армии и поддержка Финляндии странами Запада сорвали эти планы. В начале марта 1940 года «правительство» О. В. Куусинена с согласия И. В. Сталина было распушено.

ние) лояльно относятся к СССР и готовы к сотрудничеству с советской властью. В качестве доказательства, в частности, приводилось письменное заявление, которое сделал военнопленный Ясколайнен Хатски-Абель.

«Положением в плену я доволен, тепло, пищи достаточно... Я состоял в социал-демократической партии, мой отец — коммунист. В наших газетах писали: «СССР ограбит финский народ и сделает Финляндию своей колонией. В Советском Союзе нет хлеба, русский народ голодает... Красноармейцы всех пленных убивают, в лучшем случае вас сошлют в Сибирь на каторгу...» Я понял, что все это обман. 6 декабря я узнал о народном правительстве, которое действительно защищает интересы трудящихся масс, и у меня возникла мысль о побеге на сторону Красной Армии...»

Как позднее выяснилось, из военнопленных Грязовецкого лагеря (а через него прошли почти все 847 финнов, оказавшихся в руках Красной Армии,) не только Ясколайнен Хатски-Абель поддался на пропаганду советского образа жизни. 10 мая 1940 года из Москвы в Грязовец пришла срочная телеграмма: «Для доклада наркому немедленно нарочным вышлите характеристики на 19 военнопленных финской армии, отказавшихся переходить на финскую сторону, обязательно указав мотивы отказа».

В это время смешанная комиссия по обмену пленными уже работала. В обмен на финских солдат и офицеров СССР с 14 апреля по 7 июня 1940 года было передано 5468 красноармейцев и командиров. Отправленные в Южский лагерь Ивановской области они напрасно ожидали скорого освобождения. 284 человек, по-видимому, как предателей расстреляли в подвалах Управления НКВД по Ивановской области, остальных переправили в лагерь Воркуты и Мурманска, и с тех пор об их судьбе ничего не известно...

В сентябре 1939 года по согласованию с фашистской Германией СССР ввел свои войска в Польшу. Как сообщил позднее В. М. Молотов, в ходе кампании в плен было взято около 250 тысяч польских военнослужащих. После нападения немцев на Советский Союз всем полякам, находившимся в тюрьмах, лагерях и местах ссылки, объявляется амнистия. Из них, по соглашению с польским эмигрантским правительством в Лондоне, формируется армия, которую возглавил генерал Владислав Андерс. Встречаясь со Сталиным, Андерс безуспешно пытается выяснить судьбу своих офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей.

В апреле 1943 года немецкие оккупационные власти объявили, что в Катынском лесу, неподалеку от Смоленска, ими обнаружено

массовое захоронение польских офицеров, расстрелянных органами НКВД. СССР расценил это заявление как нацистскую провокацию и вскоре после освобождения Смоленщины провел на месте преступления свое расследование. Чрезвычайная государственная комиссия во главе с академиком Н. Н. Бурденко вынесла заключение: пленные польские офицеры уничтожены гитлеровцами.

Почти полвека тайна Катыни продолжала волновать мировое общественное мнение. В заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года гибель 15 тысяч узников Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей была названа еще одним страшным преступлением сталинизма. В угоду политическим амбициям, «Военно-исторический журнал» сделал попытку опровергнуть сообщение ТАСС. Наконец, в декабре 1992 года историки получили из бывшего архива ЦК КПСС неопровержимые улики: протокол заседания сталинского Политбюро, на котором польским офицерам был вынесен смертный приговор.

Казалось бы, все. Поставлена последняя точка в истории Катынской трагедии. Однако вопросы остаются. Чудом ли уцелели, как считают польские историки, 395 узников из лагерей Козельска, Старобельска и Осташкова? Что это были за люди? К какой роли готовило пленных, оказавшихся на вологодской земле, ведомство Лаврентия Берии?

В июне 1940 года в Грязовец под усиленным конвоем прибыли пленные офицеры польской армии. Начальник лагеря Волков, недавно возведенный в чин старшего лейтенанта госбезопасности, лично принимал людей в незнакомых, еще не потерявших свою привлекательность, мундирах. В тот же день на вечерней проверке стояли генерал, 8 полковников, 16 подполковников, 9 майоров, 18 капитанов и 313 офицеров младших чинов. Пленников сразу же окружили режимом повышенной секретности. В документе, подписанном начальником Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитаном госбезопасности П. К. Сопруненко, подчеркивалось:

«Охраняемые никакого общения с населением не имеют, за исключением обслуживающего персонала, на работах они используются только внутри лагеря... В оперативном отношении лагерь обслуживается Особым отделением, которое работает по заданию заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова».

Некоторые, весьма пикантные с точки зрения гулаговских порядков подробности Петр Карпович в своей справке предпочел опустить. Виданное ли дело? На берегу речки Нурмы, протекавшей через лагерную территорию, пленным разрешили построить вышку для прыжков в воду, а в распорядке дня отвели время для принятия

солнечных ванн. Да и вообще на жизнь в Грязовец грех было пожаловаться: здесь несравненно лучше кормили, не докучали бысками, всем пленным сразу же разрешили переписку с родными.

Столь трогательная забота лагерной администрации о своих подопечных, конечно же, имела веские причины. Личные дела пленных были тщательно изучены еще во время пребывания в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Затем всех сосредоточили в Юхновском лагере, где их несколько недель прощупывали особысты, и лишь затем перевели в Грязовец. В итоге 167 человек дали согласие стать осведомителями, 47 заинтересовали V отдел ГУГБ (разведку), 67 не тронули в связи с запросами из германского посольства и литовской миссии. А вот еще 90 польских офицеров, сами того не ведая, ходили по краю пропасти. Материалы на них люди Всеволода Меркулова — начальника Главного управления госбезопасности — готовили для доклада Особому совету. Однако судьба вновь оказалась благосклонна к однажды уже уцелевшим от гибели польским офицерам. Акцент оперативной работы сместился в ином направлении: особистов теперь больше интересовали заключенные с ярко выраженными антифашистскими настроениями, готовые пойти на сотрудничество с НКВД. Возможное столкновение с Гитлером не исключалось и следовало позаботиться о создании ядра небольшой польской армии, послушной воле Москвы.

Первоначально ставка делалась на генерала Ежи Волковицкого. Участник русско-японской войны, герой Цусимского сражения несомненно был подходящей кандидатурой, ибо пользовался заслуженной популярностью в польской армии. Однако донесения осведомителей внушали опасения, что генерал, несмотря на свою антинацистскую позицию, вряд ли согласится плясать под дудку Кремля. Неблагоприятный прогноз позднее полностью оправдался...

Гораздо более успешно шла работа с группой офицеров, которую пленные Грязовецкого лагеря не без иронии прозвали «красный уголок». Возглавлял ее подполковник Зигмунт Берлинг. В октябре 1940 года Берлинга и шестерых его единомышленников перевели из Грязовца в Москву. С будущим командиром польской дивизии им. Тадеуша Костюшко беседовали лично Берия и Меркулов. Во время доверительных переговоров Берлинг настаивал на том, чтобы в формируемую им армию могли вступать все поляки, вне зависимости от их политических взглядов. При этом, как пишет в своих мемуарах Юзеф Чапский (в Грязовецком лагере фигура весьма примечательная — граф, известный на родине художник и литератор), Берлинг добавил: «Для этой армии у нас имеются замечательные кадры в лагерях Козельска и Старобельска». И тут

Меркулов проговорился: «Нет, эти — нет. По отношению к ним мы допустили большую ошибку».

Тем не менее после некоторой заминки переговоры были продолжены. Берлинг и трое свидетелей невольно вырвавшегося признания — все из группы «красного уголка» — очень долго хранили молчание по факту гибели своих товарищей. Стремление сделать карьеру, улучшить свое положение перевесило этические соображения. В документах НКВД, к примеру, зафиксировано такое заявление Берлинга: «Я остаюсь верным своим убеждениям бить немцев при любых возможностях и, если потребуется, то из-под знамен белого орла я уйду под красные знамена и буду бить немцев в фуражке со звездой».

Преданность польских офицеров, завербованных НКВД, была вознаграждена. Обратившись в Грязовецкий лагерь они уже не вернулись. Их с комфортом разместили на частных квартирах в Москве, выдали советские паспорта. В Грязовец же направили несколько человек из лагерей Литвы и Латвии, которые на Лубянке были отфильтрованы как не прошедшие проверку на лояльность советской власти. В частности, среди «недостаточно лояльных» оказался генерал Вацлав Пшездецкий, согласившийся предпринимать какие-либо шаги по формированию армии только по указанию польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Между тем в Грязовецком лагере содержалось уже свыше тысячи человек. Контингент увеличился за счет польских военно-служащих, бежавших из оккупированной немцами Польши в Литву и Латвию, а оттуда через год направленных за колючую проволоку. Среди поступивших оказалось более 270 польских солдат и офицеров, немцев по национальности. Их отношения с поляками день ото дня ухудшались, дело доходило до стычек и рукоприкладства. Начальство облегченно вздохнуло, когда в связи с запросом германского посольства большая группа этнических немцев покинула лагерь.

Былого единства не было и среди поляков: одни примкнули к группе офицеров из «красного уголка», другие заняли откровенно антисоветскую позицию, большинство же — связывало свою судьбу с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Вступление Советского Союза в войну с фашистской Германией резко ухудшило положение пленных. В начале июля 1941 года из лагерей, находившихся неподалеку от линии фронта, в Грязовец было отконвоировано еще 1500 поляков. Скученность, неудобства усугубля-

* Репрессии против беженцев из Польши начались сразу после присоединения Литвы и Латвии к СССР.

лись перебоями в снабжении продовольствием и снижением норм питания. Генерал Ежи Волковицкий писал И. В. Сталину: «...Обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой освободить из плена, в который мы попали, вытесненные германскими фашистами на Восток, а, освободив, дать нам возможность уехать в английские владения, чтобы сражаться против общего врага там, где находится наше полноправное правительство, наша армия и где наше присутствие будет особенно полезно нашим союзникам. Создавшееся положение не дает времени на долгие решения или переговоры, а нас, заключенных в тяжелых условиях на «полпайку», лишает сил, которые могли бы быть использованы против общего врага».

После того, как 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано соглашение между СССР и Польшей о восстановлении дипломатических отношений, пленники начали уже открыто выражать возмущение своим незаконным содержанием за колючей проволокой. Число солдат и офицеров с проанглийской ориентацией стремительно росло. Однако именно это в первую очередь и не устраивало Сталина. Он хотел видеть своих пленников непременно сражающимися бок о бок с войсками Красной Армии. 12 августа 1941 года наконец-то публикуется Указ об амнистии польских граждан. Видимо, к этому времени у вождя появилась твердая уверенность в том, что армия генерала Владислава Андерса (назначен командующим польским эмигрантским правительством) будет не только формироваться в СССР, но и вести бои на его территории против немцев. Увы, этим планам не суждено было сбыться. В августе 1942 года свыше 75 тысяч солдат и офицеров армии Андерса и более 37 тысяч членов их семей покинули пределы Союза.

Ровно за год до этих событий лагерь в Грязовце посетили командующий польской армией Владислав Андерс и уполномоченный генштаба РККА по формированию польской армии майор госбезопасности Г. С. Жуков. Офицерам и солдатам объявили места дислокации воинских частей, куда им предстояло прибыть в самое ближайшее время. В тот же день лагерь торжественно проводил генералов Волковицкого и Пшездецкого. Всеслав Комарницкий — будущий министр юстиции польского правительства, полковник Ежи Гробицкий, сын известного в царской России дирижера Эмиля Млынарского Бронислав, авторы мемуаров о пребывании в русском плену ротмистр Юзеф Чапский и ксендз Зигмунт Пешковский вместе с остальными узниками покинули Грязовец в сентябре 1941 года.

В трудах польских историков, посвященных пребыванию своих соотечественников в плену СССР, упоминается только один лагерь Вологодской области — Грязовецкий. Между тем до Владислава

Сикорского еще в 1941 году доходила информация о том, что поляки содержатся не только в Грязовце, но и «в различных лагерях Вологды и вокруг». Сегодня можно с уверенностью сказать: сведения подобного рода не были лишены оснований. В архивных делах есть, к примеру, данные об освобождении из Вытегорского лагеря более 300 поляков. По идее все они должны были прибыть в Грязовецкий лагерь, который осенью 1941 года превратился в сборный мобилизационный пункт. Однако никаких сведений, подтверждающих или опровергающих данную версию, в архивах обнаружить не удалось. Зато есть списки умерших поляков, которых по неизвестным причинам Указ об освобождении обошел стороной.

Генерал В. Сикорский (справа), приглашенный из Лондона в Москву, принимает рапорт от генерала В. Андерса во время смотра польской дивизии.
В центре — заместитель наркома иностранных дел Союза ССР А. Я. Вышинский

В заключение еще об одном белом пятне в истории Грязовецкого лагеря. 2 июля 1941 года вместе с большой партией польских военнопленных сюда доставили 181 француза, англичанина и бельгийца. Зачем в Грязовец уже после нападения Гитлера на СССР конвоируют военнослужащих французской, английской и бельгийской армий (англичане без 5 минут союзники, Франция и Бельгия оккупированы немцами)

остаётся загадкой. По крайней мере министерство обороны Великобритании сейчас занимается выяснением судьбы своих подданных. Ну, а пока... Пока Грязовецкий лагерь НКВД продолжает хранить свои тайны.

ДОКУМЕНТЫ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

* * *

Бумаги из так называемой «особой папки» (О. П.) хранились в бывшем архиве ЦК КПСС в режиме повышенной секретности. Доступ к ним историки получили только в конце 1991 года.

Документ из «особой папки»^{*}

Строго секретно
(из О.П.)

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

Центральный Комитет

№ П13/144
марта 1940 г.

тов. Берия

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от 193 г.
Решение от 5.III.40 г.

144.— Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

^{*} Цит. по: Вопросы истории. — 1993. — № 1. — С. 19.

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т. т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК

С 28 по 30 апреля 1943 года в Катыни работала Международная комиссия экспертов судебной медицины, приглашенная немцами.

Эксперты Винченцо Пальмери (Италия) и Франсуа Навиль (Швейцария) производят вскрытие эксгумированного тела

* * *

Опубликованное ниже секретное письмо* написано от руки, отпечатать его не доверили даже машинистке. Текст документа подтверждает намерение советского руководства навсегда скрыть кровавое преступление сталинского режима от своих польских друзей и мировой общественности.

Совершенно секретно

подлежит возврату
0680
9 мар 1965
6-й сектор
в ЦК КПСС Общий
отдел

Товарищу Хрущеву Н. С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жангармов, полицейских, осадников, помещиков и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6311 человек и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось, и все дела в количестве 21857 хранятся в опечатанном помещении.

Для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует офици-

* Цит. по: Вопросы истории.— 1993.— № 1.— С. 20—21.

альная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 году расследованием комиссии, именовавшейся: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии, все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается

Председатель Комитета государственной
безопасности при Совете Министров СССР
3 марта 1959 года

А. ШЕЛЕПИН

Из воспоминаний Юзефа Чапского*

...Я покинул Старобельск одним из последних. Уже на станции начались неожиданности: нашу партию распихивали человек по 10—15 в узенькие отделения вагонзака, почти без окон, с тяжелыми решетками вместо дверей. Охрана вела себя крайне грубо. В уборную нас принципиально пускали два раза в сутки. Кормили селедками и водой. В вагонах стояла жара. Люди теряли сознание, и особенно характерным было равнодушие явно привыкших к этому конвоиров. Наш этап привезли в лагерь Павлищев Бор. Там мы встретили несколько сот наших товарищей из Козельска и Осташкова. Всего нас было около 400 человек. Через несколько недель всех нас вывезли дальше, в Грязовец под Вологдой, где мы оставались до августа 1941 года.

* Цит. по: Абаринов В. К. Катынский лабиринт.— М.: Новости, 1991.— С. 56—57.

Мы получили право раз в месяц писать нашим семьям. Условия нашей жизни были лучше, чем в Старобельске, и вначале мы были убеждены, что то же самое произошло с нашими остальными товарищами, что их разослали по другим, похожим на наш, лагерям, разбросанным по всей России. Мы жили в старом здании бывшего монастыря, а старинная монастырская церковь была уже взорвана динамитом.

* * *

Отчет Рихарда Штиллера о переживаниях в советском плену после передачи его в январе 1941 года германским властям .

...Пребывание в Грязовце можно действительно назвать приятным: климатические условия были очень полезными, сам лагерь находился в старых монастырских зданиях на лугу у реки, так что мы имели возможность часто пребывать на свежем воздухе. Размещение и питание можно назвать хорошими. Питание — даже слишком хорошим для тех, которые добровольно изъявляли желание работать на строительстве дороги, что мы, немцы, делали все без исключения. В Грязовце меня впервые обстоятельно допросили, однако интересовались исключительно моей биографией, причем и здесь наибольшее внимание обращалось на связи с границей.

Неудача во Франции создала в отношениях с поляками условия, которые трудно было вынести, в Грязовце с ними дошло до многих стычек. 9 августа было вывезено 10 первых этнических немцев, в то время о цели транспортировки мы ничего не знали. Сегодня знаем, что они были отправлены 6 ноября, после трехмесячного пребывания в плену в Советском Союзе.

Когда 26 сентября меня вместе с польским чиновником лагерной полиции вывезли из лагеря, я не знал, как сложится моя судьба; имел надежду, что мы едем на родину, однако предчувствовал, что все должно закончиться каким-то допросом. Я не ошибся, поскольку снова оказался в известной всему миру Лубянке в Москве.

Там я провел 3 дня и 1 октября на рассвете был переведен в Бутырскую тюрьму, где снова встретился с вышеназванными десятью этническими немцами, которых освободили 30 октября. Моя надежда разделить их судьбу не подтвердилась. Я должен

* Цит. по: Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. — М. : Политиздат, 1991. — С. 84.

1220611

был еще продержаться до 27 декабря, когда в 10 часов вечера политический комиссар заявил, что специальный трибунал Советского Союза присудил меня к отправке в Германию. ...3 января 1941 года в 3 часа дня для меня также пробил час свободы, когда мы — 13 этнических немцев, 6 военнопленных и один беженец с Волыни, 1 пленный войны 1914 — 1918 годов, 2 политических эмигранта, две женщины и двое детей пересекли мост на Буге около Брест-Литовска и были приняты немецкими таможенными властями и службами безопасности.

Заявление военнопленного А. Шмидта Волковицкому *

Перевод с польского

Господину Генералу Волковицкому
лагерь Грязовец от ШМИДА Альберта,
пристава Польской государственной
полиции Белостокского воеводства

ЗАЯВЛЕНИЕ

Доношу господину генералу, что 16.VIII — 1941 г. в 9.30 часов меня позвали, будто бы к командиру лагеря, где, когда я туда явился, меня принял не командир лагеря, а три политрука, которые начали меня допрашивать о настроениях в лагере. Когда я ответил, что я ничего не знаю и настроениями в лагере не интересуюсь и что, впрочем, есть Польское правительство и я ожидаю на это, чтобы поступить в ряды Польской Армии, они ответили, что «об этом мы решаем и принудим вас к этому, так как вы в наших руках, ибо ваша семья в Казахстане». Когда после долгих уговоров этих политруков я не дал им никаких объяснений, они дали мне срок до 21.VIII, чтобы я явился сам во второй раз и чтобы я хорошо надумался, в противном случае это может отозваться на судьбе моей и моей семьи, пребывающей в Казахстане.

* Цит. по: Лебедева Н. С. Катынские голоса // Новый мир.— 1991.— № 2.— С. 221.

ТРАГЕДИЯ ЭВАКУАЦИИ

Трагедия блокадного Ленинграда до сих пор заставляет сжиматься сердца десятков тысяч людей. Как могло случиться, что на начало блокады в городе оказалось 2 млн. 544 тысячи человек гражданского населения, в том числе 400 тысяч детей? Почему не были своевременно вывезены в глубокий тыл раненые и больные воины? Кто несет ответственность за гибель от голода, холода и лишений, как в этом убеждают исследования многих историков, не менее одного миллиона человек? Вопросы отнюдь не праздные, ибо детям, внукам, правнукам погибших не нужна полуправда. Точно так же, как приглашенная история не нужна нашим потомкам. Ведь ее предназначение — извлекать уроки из прошлого, уроки порой горькие, но необходимые.

Уже в начале июля 1941 года первые руководители Ленинграда обязаны были осознать смертельную опасность, нависшую над городом. Под прессом группы армий «Север», имевшей трехкратный перевес в силах, оборонительные порядки наших войск отодвигались все дальше на северо-восток. Тогда же советскому руководству стало точно известно, что противник готов применить против частей Красной Армии и гражданского населения отравляющие вещества. Работы по строительству оборонительных сооружений, которые приходилось выполнять людям сутубо мирным, были сопряжены не только с огромными физическими нагрузками и бытовой неустроенностью, но и вполне реальной опасностью для жизни.

Увы, непосредственно отвечавшие за оборону Ленинграда первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданов и прибывший в город по приказу Ставки главнокомандующий Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилов, не видели собственной вины за небла-

гонпрятно развивающиеся события. С их «легкой руки» талантли-
вый военачальник, командующий Северным фронтом Маркиан Ми-
хайлович Попов был прозван Сталиным «специалистом по
отступлениям» и надолго впал в немилость. Незаслуженно забыто
имя другого незаурядного военачальника Константина Павловича
Пядышева. Кавалер двух орденов Красного Знамени, командовав-
ший Лужской оперативной группой, остановил стремительно рву-
щиеся к Ленинграду моторизованные и танковые части известных
немецких генералов Геппнера, Манштейна, Рейнхардта. Человек
умный и бескомпромиссный, Константин Павлович после Лужской
эпопеи подверг критике идею неподготовленного контрнаступления,
чреватого бессмысленными людскими потерями. Идея эта
принадлежала К. Е. Ворошилову. Расплата не заставила себя ждать.
«Мятежный» генерал был арестован, в 1943 году он умер в лагере.

Лето 1941 года. На Лужском рубеже

Жизнь мирного населения, весьма и весьма далекого от интриг
военно-партийной верхушки, внешне почти не изменилась. Работали
театры, демонстрировались фильмы, в парках играл духовой
оркестр. Несколько беспокоило введение карточек, но соль, яйца,
спички отпускались без ограничений, к тому же любые продукты

можно было купить в коммерческих магазинах. Перелом в сознании горожан наступил, когда Ленинград заполнили беженцы. Однако и в середине июля 1941 года власти продолжали уверять население, что ничего страшного не происходит.

Сейчас трудно сказать, по чьей конкретно вине в решениях, связанных с эвакуацией, преобладали чисто идеологические мотивы. Бывший уполномоченный Государственного комитета обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города Д. В. Павлов считает, что до начала блокады из Ленинграда надо было вывезти не 636 тысяч человек, а в два-три раза больше. Только таким образом можно было избежать многих тысяч человеческих жертв. Причиной срыва массовой эвакуации, по мнению Д. В. Павлова, якобы являлся патриотизм ленинградцев, «нужны были крутые административные меры, чтобы люди покинули город». Однако не стоит забывать и об ином. Существовала практика продажи билетов в кассах вокзалов только по заверенным домоуправлениями спискам. Были осуждены за распространение «панических слухов» сотни человек. Выехавшие из города коммунисты лишались своих партбилетов. На запрос из г. Солигалича, к примеру, Ленинградский горком 1 августа 1941 года дал следующий ответ: «...Ставим Вас в известность, что Аносова Н. О. (п/б № 3046554) за дезертирство в глубокий тыл исключена из рядов ВКП (б)».

Трудно объяснить, почему в начале июля 162 тысячи ребятишек отправили навстречу противнику в Луту, Толмачево, Гатчину и другие места летнего отдыха? Только 115 тысяч детей впоследствии вернулись к своим родителям. Остальные были либо эвакуированы в тыл, минуя Ленинград, либо остались на оккупированной врагом территории. 10 августа 1941 года, дабы успокоить не в меру растревоженных матерей, бюро горкома принимает решение «разъяснить родителям эвакуированных детей, что дети находятся в безопасности». Директорам же предприятий предписывалось ни в коем случае не предоставлять работницам отпуска для поездки за своими сынишками и дочурками. Вот так, памятным летом сорок первого были навсегда разорваны семейные узы тысяч людей. Страшно подумать, что кто-то из эвакуированных навстречу врагу ребятишек оказался затем в числе так называемых делегатов от германских передовых частей. Ведь Сталин, прознавший, что немцы высылают на позиции наших войск стариков, старух и детей с просьбой сдать Ленинград, потребовал уничтожить как «немецких мерзавцев», так и их делегатов, «кто бы они ни были».

В это же самое время в Ленинграде на случай сдачи города готовилась подпольная сеть. К августу 1941 года были созданы 4 резидентуры, в них входило 90 человек.

Ленинградские дети, изувеченные осколками снарядов

Изначально медленные темпы эвакуации позднее до предела обострили проблему транспортировки людей в тыл. В августе Октябрьская и Северная железные дороги ежедневно не укладывались в графики отправки эшелонов. Вражеская авиация все чаще и чаще наносила ощутимые удары по узловым станциям, разрушала пути, бомбила эшелоны с эвакуированными. Постановление горкома партии и исполкома Ленгорсовета об отправке в тыловые районы дополнительно 700 тысяч женщин, детей, пенсионеров, больных так и осталось на бумаге. Успели, правда, эвакуировать 147 тысяч беженцев, которые ютились в переполненных общежитиях, дневали и ночевали на железнодорожных вокзалах.

Крайне неудовлетворительная организация вывоза гражданского населения в тыл стала мишенью для вражеской пропаганды. В листовках, состряпанных умельцами из ведомства Геббельса, шли рассуждения о несправедливости, установленной властями очередности эвакуации, о неминуемом голоде, который вот-вот постигнет город. Каких-либо опровержений по этому поводу со стороны руководителей Ленинграда не последовало, да, видимо, и не могло

последовать^{*}. Однако замалчивание грозящей опасности только усугубляло обстановку.

Белым пятном в истории битвы за Ленинград в первые месяцы войны считалась эвакуация из города раненых воинов. Архивные документы позволили воссоздать следующую картину. В июле 1941 года в тыловые госпитали, в основном в Вологду, было вывезено 20063 человека. В начале августа эвакуация почти не проводилась. Причины во многом объясняет телеграмма, направленная в Генштаб РККА командованием Северного фронта: «Трудность в создавшейся обстановке состоит в том, что ни командиры дивизий, ни командармы, ни комфронтом не имеют совершенно резервов». Действительно, Ставка Верховного Главнокомандования подкреплениями не баловала. Вот почему расчет делался на то, что по мере выздоровления раненые воины будут тем самым резервом, в котором так нуждались оборонительные порядки Ленинграда.

Лишь за несколько часов до того, как немцы заняли Чудово, создав непосредственную угрозу последней железнодорожной магистрали с выходом на Вологду, заместитель командующего войсками Северного фронта генерал-лейтенант В. К. Мордвинов подписал приказ «О порядке эвакуации раненых и больных из Ленинграда». В течение трех дней, 19, 20 и 21 августа, предписывалось отправить из города всех раненых, за исключением тех, «которые явно не могут перенести перевозку». В Череповце и Шексне для приема людей стали срочно переоборудовать под госпитали бараки для заключенных. Артобстрел и атаки с воздуха сопровождали военно-санитарные поезда, которые наконец-то приступили к интенсивной эвакуации. Однако 29 августа станция Мга оказалась в руках немцев. Последним, несмотря на бомбежку и угрозу оказаться в руках противника, ее миновал ВСП-110, в котором находилось 754 раненых бойца. Всего же к 30 августа 1941 года в тыловые госпитали было переправлено 65523 человека. Мало, слишком мало...

Вскоре бригадврач И. М. Черняк докладывал начальнику санитарного управления Ленинградского фронта: «...Из числа находящихся на излечении раненых и больных подлежит эвакуации ориентировочно 35400 человек. Если поступление раненых будет продолжаться в том же объеме, как в последнюю неделю, то число подлежащих эвакуации будет ежедневно возрастать на 12—15 тыс. человек».

^{*} В течение первых двух лет войны в борьбе с пропагандой противника преобладали административно-запретительные меры. Защитникам Ленинграда разъяснялось, что чтение и хранение фашистской агитлитературы равносильно распространению контрреволюционной пропаганды.

В последний путь

*Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?*

*Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:*

*Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,*

*Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...*

*Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.*

Сентябрь 1941 г.

*Анна Ахматова**

* Эти долго не публиковавшиеся стихи могли стоять поэтессе жизни. В сентябре 1941 года слова «блокада», «голод», «смерть» были еще под запретом.

К сожалению, радикально изменить ситуацию было уже нельзя. В сентябре удалось эвакуировать 600, в октябре — 2624, в ноябре — 74, в декабре — 7500 человек. Намного больше осталось на больничных койках госпиталей, умерло не столько от ран, сколько от дистрофии, ставшей настоящим бичом для блокадного города.

Героический рейс ВСП-110 по сути дела поставил последнюю точку в истории доблокадного периода эвакуации не только раненых, но и гражданского населения. В осажденном Ленинграде и его пригородах, также отрезанных от Большой земли, оказалось свыше двух миллионов 880 тысяч человек. Почти половину из них составляли иждивенцы и дети до 12 лет. Еще не зная о случившемся, члены комиссии ГКО В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Косыгин и первый руководитель города А. А. Жданов докладывают Сталину о своем намерении эвакуировать в тыл 250 тысяч женщин и детей из Ленинграда и 66 тысяч человек населения из прифронтовой полосы. Поздно, слишком поздно... Предпринимается, правда, попытка переселить из пригородов Ленинграда в Сибирь и Казахстан несколько тысяч немцев и финнов. По приказу Лаврентия Берии начальник НКВД по Вологодской области полковник Л. Ф. Галкин командует в Череповец оперативную группу, дабы обеспечить пересадку «неблагонадежного элемента» с водного транспорта на железнодорожный. Однако операция эта, судя по всему, закончилась плачевно. Согласно справке отдела спецпоселений НКВД СССР в Кустанайскую область прибыло только 96 человек (7 немцев и 89 финнов).

Последствия неудовлетворительно организованной до начала блокады эвакуации ошибочно сводить к трагической гибели людей только в городе на Неве. С выходом в свет двух томов «Реквиема памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны» на этот счет не осталось никаких сомнений. Составителям книги удалось установить, что более 17 тысяч человек погибли в пути следования, на больничных койках госпиталей, на руках сердобольных жителей. Из них более 10 тысяч выявлены персонально. А это значит, что ныне живущие ленинградцы, потерявшие всякую надежду разыскать могилу близкого им человека, не верившие в возможность узнать хотя бы малую толику о его судьбе, обрели успокоение. Подобные мартирологи в других регионах массовой эвакуации ленинградцев позволят наконец оценить блокадную трагедию в полном объеме. Беспокойная совесть соста-

вителей «Реквиема» взывает к милосердию, милосердию самой высокой пробы, ибо цена ему — благодарная Память потомков.

ДОКУМЕНТЫ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Телеграмма Ставки Верховного Главнокомандования командующему Ленинградским фронтом М. М. Попову*

Командующему Ленинградским фронтом Попову,
члену военного совета

28 августа 1941 г.

Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запутивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запутивать Ставку всяческими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск.

СТАЛИН, ШАПОШНИКОВ

* Цит. по: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 6-7. — С. 16.

* * *

О прекращении железнодорожного сообщения с Ленинградом

Докладная записка наркома путей сообщения

А. М. Кагановича И. В. Сталину

Не ранее 29 августа 1941 г.

Секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР товарищу СТАЛИНУ

Докладываю, что с 14 часов 29 августа движение поездов с Ленинградом прервано по всем линиям.

По линии Сонково — Мга движение прервано с 12 часов 27 августа, вследствие разрушений путей на перегонах и станциях участка Кириши — Мга от воздушных бомбардировок. Имеются сообщения о том, что на участке Кириши — Посадниково этой линии велись боевые действия.

По линии Волховстрой — Ленинград движение прервано с 14 часов 29 августа.

Связи с Ленинградом и местами разрушений нет. В данный момент точных данных о причинах прекращения движения нет. Из Волховстроя сообщают, что станция Мга подвергалась неоднократным воздушным бомбардировкам. В узле имеются большие разрушения. Сегодня со станции Апраксин слышна артиллерийская канонада, происходящая на станции Мга.

Кроме того, остается прерванным движение поездов на Московско-Киевской дороге, вследствие разрушения моста через реку Нерусса.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
А. КАГАНОВИЧ

* * *

В цитируемом на следующей странице документе упоминается перегон Апраксин—Назия. Его протяженность равна 8 километрам.

* Цит. по: Известия ЦК КПСС.— 1990.— № 9.— С. 214.

Из рейсового отчета ВСП-110*

29 августа 1941 г. на перегоне Апраксин—Назия с 12 часов 30 минут до 21 часа ВСП-110 подвергался непрерывной воздушной бомбардировке. Прямым попаданием бомбы были зажжены два вагона, оба сгорели. Из вагона извлечены три трупа. Все остальные раненые, находившиеся в вагонах, были спасены.

Медсестра Останина Таисия Петровна длительное время находилась под огнем противника. Мужество проявила проводник поезда Александра Кузнецова. При нападении неприятельской авиации она не оставила свой пост и с помощью ручного тормоза предупредила возможную катастрофу шедшего под уклон поезда.

* * *

Из воспоминаний академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

...М-ские уехали из Ленинграда, бросив умирающую дочурку в больнице. Этим они спасали жизнь других своих детей. Э-мы кормили одну из дочек, а другую заморили голодом, т. к. иначе умерли бы обе. С-вы весной, уезжая из города, оставили на перроне вокзала свою мать привязанной к санкам...

Оставляли умирающих: матерей, отцов, жен, детей, переставали кормить тех, кого «бесполезно» было кормить, выбирали, кого из близких можно было спасти... Раздевали трупы на улицах, чтобы забрать у них теплые вещи для живых... Отрезали остатки иссохшей кожи на трупе, чтобы сварить из нее суп для детей.

* * *

Из письма Раисы Ивановны Грамматиной составителю «Реквиема памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны» Любови Константиновне Судаковой.

Весной 1942 года в первые 10 дней апреля моя мама с нами, детьми — мной и моей сестрой Федоровой Людмилой Ивановной, рождения 19 января 1936 года, были эвакуированы из блокадного Ленинграда.

В дороге сестра умерла. Это случилось не очень далеко от Вологды. Обычно на станциях вдоль вагонов проходила упряжка лошадей и покойников сбрасывали в телегу. Но мама не решилась проститься так, и поэтому в Вологде она мою сестру отнесла на станцию в медпункт и оставила там под лавочкой.

* Архив ВММ, ф. 308, оп. 12804, д. 62, л. 4.

Поскольку времени на оформление какого-либо документа не было (о смерти), а, может, в то время об этом и не думали, мама вернулась ко мне в товарный вагон. Так у нас никаких документов и нет. Единственную справку с места жительства того времени я взяла сейчас в ЖАКТе и посылаю ее Вам... В этой справке не указана дата убийства, очевидно, все по той же причине, что тогда было не до того. Если это необходимо, то я буду разыскивать эвакуационные списки в архиве.

Вы мне сообщайте, что в Вологде поставлен прекрасный мемориал ленинградцам. Да, я как прочитала первое сообщение в газете, так уже потеряла всякий покой, и при первой же возможности приехала в Вологду 7—9 мая 1989 года, чтоб положить цветы к подножию этого памятника. Я эти два дня по два раза в день была на этом кладбище.

Я не знаю, как бы скульптор объяснила свои замыслы в этой скульптуре, но я сразу увидела в ней свою маму с мертвой моей сестрой на руках, которую она выносила в проем товарного вагона, чтоб навсегда оставить на Вашей земле.

Это было очень тяжело. Я не могла остановить слезы, которые лились и лились из моих глаз.

Я преклоняюсь перед всеми людьми, которые создали такой превосходный памятник. Я благодарна всем вам за Ваш благородный, кропотливый, очень необходимый труд в воскрешении памяти о тех людях, которые остались на Вашей земле. Если бы была возможность устроиться на два дня в гостинице в Вологде, я бы приезжала к этому мемориалу каждый год...

ПИСЬМА ОТДЕЛА ПОД ЛИТЕРОЙ «В»

Трудовой подвиг вологжан в годы Великой Отечественной войны может поразить воображение. Судите сами. Почти все кадровые рабочие ушли на фронт. Тем не менее госпредприятия области в 1943 г. увеличили выпуск продукции в сравнении с довоенным временем на 23 процента. Большая часть трудоспособного населения деревни была мобилизована в ряды РККА, на нужды фронта отправлены половина тракторного парка, 74 тысячи лошадей. Несмотря на это, в 1944 г. вологодские колхозники сдали государству больше, чем в 1940 г. хлеба на 18532 тонны, картофеля и овощей — на 15110 тонн, льноволокна — на 1164 тонны, мяса — на 8690 центнеров.

За годы войны от населения в Фонд обороны поступила громадная по тем временам сумма — 1 млрд. рублей. Подписка на три военных займа принесла государству 788 млн. рублей, еще 145 млн. рублей было получено от реализации билетов денежно-вещевой лотереи. Приплюсуйте к этому безвозмездную сдачу крови на донорских пунктах, помощь эвакуированным жителям блокадного Ленинграда и областям, пострадавшим от вражеской оккупации, уход за ранеными, находившимися на лечении в госпиталях.

Да, поколению, пережившему войну, есть чем гордиться. И все же история вологжан-тружеников военного тыла исследована неглубоко. Официальная же летопись их трудового подвига и бескорыстия страдает пробелами и изъянами...

Жители прифронтовой Вологодской области вынесли сверхчеловеческий труд, невероятные тяготы и лишения. Вот некоторые факты. Первый секретарь Вологодского обкома ВКП(б) П. Т. Комаров в сентябре 1941 года заверял ЦК, что вологжане соберут до 1 января 1942 года в Фонд обороны страны 40 тонн шерсти, 30 тонн

шубного лоскута и свыше 22 тысяч штук овчин. План был выполнен. Правда, население, работавшее на оборонных работах в зимние холода, страдало от отсутствия валенок. По этой причине многие покинули места работ. Увы, никто не прислушался к аргументам «дезертиров трудового фронта», осудив каждого на пять лет лишения свободы с поражением в правах и конфискацией имущества.

Мало кому известно, что специальный отдел НКГБ под литерой «В» осуществлял в годы войны тотальную проверку личной переписки граждан. Письма, свидетельствующие о «нездоровых настроениях» их авторов, немедленно брались на учет. Начальник управления НКГБ по Вологодской области полковник Галкин не реже одного раза в месяц направлял первому секретарю обкома и председателю облисполкома подробный отчет с выдержками из «крамольных посланий»...

Мама, картошки так бы и поела, а ее здесь нет. В столовой в супе поймешь иногда картошку, но это редко. Хлеба дают 200 г и порцию супу в обед и две ложки на второе. Все дни есть хочется. (Из письма студентки 1 курса Грязовецкого агротехникума Слезинной Маши своей матери.)

Хлеб — фронту

В «Очерках истории Вологодской организации КПСС» опубликовано постановление от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», позволившее мобилизовать сельских тружеников на выполнение и перевыполнение установленных заданий. Но ни слова не сказано о том, сколько обездоленных жителей вологодской деревни утонуло за решетку в связи с невыполнением положенного минимума. Не откроет тайны упомянутый научный труд и на то, как уже в послевоенное время в 81 колхозе области колхозники умудрялись прожить, получая на трудодень менес 100 граммов хлеба и как могло случиться, что в 25 колхозах на трудодень не выдали ни одного грамма хлеба вовсе!

Дают по 150 граммов хлеба, да и этот несчастный паек выкупить не на что. Вова ходит в школу, ботинок нет, есть огни, в которые не влезает. Пока тепло, так ходит босиком, а потом не знаю в чем пойдет. У меня одно платье, да и то разорвалось. У мамы тоже одно платье и сменить нечем, надо бы выстирать, да в нечего переодеться. Скоро зима подходит, валенок нет... (Из письма Ф. В. Решетовой. 28 сентября 1944 года. Колхоз «Авиатор» Междуреченского района.)

Немало теплых слов высказали вологжанам эвакуированные жители блокадного Ленинграда. Еще живы те, в чьих домах и деревенских избах нашли они уют и участие. Милосердия же не доставало чиновным людям. Только бездушным отношением к «человеку-винтику», нераспорядительностью и бюрократическими проволочками можно объяснить выплеснувшееся на бумагу недовольство эвакуированных существующими порядками. В отделе под литерой «В» подобные письма не только брали на заметку, но и изымали, не отправляя по назначению.

Скорее бы конец, ничего на свете не мило, жить не хочется. Нам, эвакуированным, не дают пайки, считают нас хуже собак. А ведь мы красноармейская семья, а отняли последний кусок хлеба. Правды не найти — область ссылается на район, район на сельсовет, а тут с тобой и не разговаривают. Вот и ходим побираемся от стола к столу. (Из письма Барановой Нины в Ленинград. Дер. Запрудное, Грязовецкий район, январь 1944 года.)

За годы войны правительство подготовило не одно постановление об улучшении условий жизни инвалидов-фронтовиков. Однако реализация этих постановлений на областном и районном уровнях шла туго. Несмотря на наличие в Вологде специальной мастерской, солдаты-калеки месяцами ждали, когда их культя наконец-то обретет долгожданный протез. Фронтовики, уволенные по инвалидности в запас на завершающем этапе войны, на расспросы любопытствующих о житье-бытье германца, как правило, угрюмо отмалчивались.

Вопреки пропаганде об истощенных донельзя ресурсах фашистской Германии воочию они убедились в обратном. Такой обнищавшей деревни, как своя собственная, в чужой стороне не было. Вот и переполняла, захлестывала вчерашних фронтовиков обида, усугубляемая малой пенсией и отсутствием внимания со стороны властей.

Прибыл домой я 31.09.44, хожу на костылях, но надо добывать себе кусок. Жене всех не прокормить, а у нас двое детей. Нам, инвалидам, почта здесь нет. Я — инвалид второй группы, а паек дают 150 г, да 95 рублей пенсии. Вот и живи, существуй, а ведь работать физически не могу. (Из письма инвалида-фронтовика И. Мальчикова. Дер. Михеево, Уломский, ныне Череповецкий, район.)

Делегация вологжан передает танковую колонну «Вологодский колхозник»
1-й танковой армии. Северо-Западный фронт.
2 марта 1943 года

В пору военного лихолетья тысячи людей сознательно шли на жертвы и лишения, отдавая на алтарь Победы свои последние сбережения, перечисляя в Фонд обороны часть заработка, приобретая облигации Государственных займов. Горько сознавать, что

подчас сама организация бескорыстной помощи фронту принимала уродливые формы. Об очередной подписке на военный заем партийные и советские органы на местах заблаговременно оповещались специальной директивой. Намечались ораторы предстоящего митинга, планировалась сумма, на которую должны были подписаться рабочие того или иного предприятия. В итоге зачастую без учета реальных возможностей конкретно взятого человека принималось решение о коллективном отчислении, к примеру, трети заработка на приобретение облигаций. Если же призывы партийных руководителей не находили должного отклика, подписка осуществлялась принудительно: облигации просто выдавали вместо части зарплаты. Вот об этих-то перегибах и писали вологодские колхозники, рабочие, служащие своим родным, близким, знакомым.

Выдержки из писем, вошедшие в специальные справки отдела под литерой «В», — это прежде всего свидетельства народного горя. Судя по документам, большинство вологжан, особенно многострадальная деревня, давно перешагнули в годы войны всякую мыслимую черту бедности. Резко ухудшилась демографическая обстановка. В секретном докладе «компетентных органов» на имя первых руководителей области говорилось, что в 1942 году смертность населения значительно превысила рождаемость: родилось 32117 человек, умерло 86054 человека.

Зато не бедствовала номенклатура. Раз в квартал Кремль принимал постановление о выделении лимитов на дополнительное бесплатное питание руководителям партийных, советских и хозяйственных органов. Таких «малообеспеченных» в Вологодской области согласно разнарядке свыше в IV квартале 1945 года насчитывалось, к примеру, 2700 человек. Отказываться от предоставляемых льгот Система не позволяла.

Организаторская работа аппарата по мобилизации масс на выполнение и перевыполнение производственных планов и заданий поощрялась. В феврале 1945 года 124 руководителя областного и районного уровней удостоились ордена Отечественной войны. Стоит ли удивляться, что из числа бывших номенклатурных работников сегодня не найдется, пожалуй, ни одного, кто, в отличие от рядовых тружеников, не ходил бы в ранге участника войны.

Справедливо ли это, вопрос, как вы сами понимаете, чисто риторический.

Евгения Ивановна Антипина —
мастер льноводства
колхоза «Активист»
Череповецкого района

Александра Евгеньевна Люскова —
заведующая свинофермой
колхоза «Буденновец»
Междуреченского района

Василий Иванович Костин —
директор Антушевской школы
Белозерского района

Михаил Григорьевич Сиваков —
стекловар Чагодощенского
стеклозавода

Примечание. В. И. Костин и М. Г. Сиваков вернулись к довоенной профессии после тяжелых ранений.

ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, ПИСЬМА

* * *

Созданию отделов под литерой «В» при республиканских, краевых и областных управлениях НКГБ^{*} предшествовало специальное постановление Государственного комитета обороны

Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-37 сс.
от 6 июля 1941 г.

Москва, Кремль

О мерах по усилению политического контроля
почтово-телеграфной корреспонденции

В связи с военной обстановкой в стране, в целях пресечения разглашения государственных и военных тайн и недопущения распространения через почтово-телеграфную связь всякого рода анти-советских, провокационно-клеветнических и иных сообщений, направленных во вред государственным интересам Советского Союза, Государственный Комитет Оборона СССР постановляет:

...Обязать Народный Комиссариат государственной безопасности СССР организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы, для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролеров.

...В областях, объявленных на военном положении, ввести военную цензуру на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления...

* * *

Из письма заместителя председателя Вологодского
городского исполнительного комитета П. Г. Куракина^{**}
первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б)
А. А. Жданову^{***}

...Шуму вокруг победы в 1942 году много, но многие ее, победу, понимают так, что я устроюсь получше, посытнее, проживу этот

* Публикуется с извлечениями, цит. по: Военно-исторический журнал.— 1992.— № 2.— С. 35.

** Петр Григорьевич Куракин потерял на фронте ногу. Известен как автор книг «По зову сердца», «Яков Курбатов» и др.

*** ЦГАИДСПб, ф. 24, оп. 2-Г, д. 335; л. 188-189.

год, а там будет и победа. Как будто бы победа придет сама собой. Такие элементы благодущия вокруг лозунга товарища Сталина о победе в 1942 году у очень многих есть.

В госпиталях, в складах и вообще в тыловых частях много околачивается молодых, здоровых командиров, политработников, интендантов и т. п. Все они живут не пыльно, стараются жить лучше. Пьянствуют и даже дискредитируют звание командира. И этим людям Отечественная война покажется хорошей прогулкой, легким отдыхом от служебных и семейных тягот мирной жизни.

Да не только зло и обида берет, но возникает и беспокойство, как бы болтовня, шумиха о победе в 1942 году, не подкрепленная практическими делами и революционным порядком, не сорвали бы в этом году эту победу...

7 июля 1942 г.

Куракин.

Из спецсообщения отдела «В» УНКГБ по Вологодской области *

3 апреля 1942 г.

№ 2803

Председателю облисполкома
А. Д. Абрамову

Сообщаем, что вследствие низкого уровня урожая 1941 года колхозники колхозов: «Просвещение», «Завет Ленина», «Новый пахарь» Андомского района, испытывая серьезные материальные затруднения, употребляют в качестве продуктов питания солому, мясо павших животных и т. п...

Начальник УНКГБ по ВО полковник госбезопасности Галкин
Начальник отдела «В» УНКГБ по ВО
подполковник госбезопасности Коркин

В 1943 году Вологодская область занимала пятое место в СССР по объему лесозаготовок. На следующий год показатели были еще выше: заготовка древесины увеличилась на 254 тысячи плотных кубометров и вывозка — на 113 тысяч кубометров. Однако выпол-

* ГАВО, ф. 1300, оп. 1, д. 90, л. 42 об.

нение производственных заданий было сопряжено с неимоверными трудностями и лишениями.

**О бытовом устройстве рабочих Монзенского леспромхоза.
Из стенограммы сессии Вологодского областного Совета
депутатов трудящихся от 5 марта 1943 года***

Общежития переполнены. Мужчины и женщины живут, как правило, в одном помещении. Рабочие спят по трое на двух койках, а на 77-м пикете, где в настоящее время сгруппирована основная масса их, в одном из общежитий сделаны сплошные нары и на девяносто пяти квадратных метрах лежит шестьдесят — восемьдесят человек... Использовать воду из местных источников запретили: сильное загрязнение, и сейчас люди вынуждены возить ее за шесть километров... Вшивость от восемнадцати до сорока процентов...

* * *

**Из докладной записки начальника 1-го полевого строительства
Честных и военного комиссара Гулько
секретарю Вытегорского райкома ВКП(б) Николаеву****

16 февраля 1942 г.

В связи с окончанием работ по строительству оборонительных рубежей, порученных коллективу нашего строительства партией и правительством, возвращаются на родину трудящиеся Вытегорского района, принимавшие участие в этой работе в порядке трудовой мобилизации.

В ходе работ большое число колхозников и колхозниц Вашего района показали прекрасные образцы стахановского и самоотверженного труда, подлинного героизма, направленного на быстрейшее и высококачественное выполнение задач по созданию оборонительных рубежей для разгрома фашистско-немецких захватчиков, поставленных перед трудящимися нашей Родины великим вождем и полководцем товарищем Сталиным.

... Среди этих товарищей выросли новые, замечательные кадры работников, которые могут быть использованы на руководящей работе в колхозах, сельских Советах и других низовых органи-

* Цит. по: Резонанс. — 1990. — № 7. — С. 9.

** Там же — С. 31.

ях района. При этом сообщаем, что всем без исключения гражданам Вашего района, бывшим на работах, управлением 1-го полевого строительства выданы персональные справки об их работе и отношении к труду.

Начальник 1-го полевого строительства Честных.
Военный комиссар 1-го полевого строительства Гулько.

* * *

**Из письма Вологодского обкома ВЛКСМ
танкистам 1-й танковой армии генерал-лейтенанта М. Е. Катуква***

Ваше письмо передано по радио и разослано в районные организации. Из письма мы узнали о ваших беспримерных подвигах, которые вы совершаете ежедневно на боевых машинах, построенных на наши средства.

Мы, ваши друзья, здесь, в тылу, помним, что победа сама не дается, ее нужно завоевать. И поэтому где бы мы ни были — на заводе, фабрике, на паровозе, в колхозной бригаде, в лесу или за партией, — везде прилагаем все силы к тому, чтобы быстрее добиться победы над заклятым врагом.

Мы от всего сердца гордимся вами, гордимся тем, что вы на своих танках, в числе которых есть танки «Вологодский колхозник», наносите сокрушительный удар по фашистской своре.

Обком ВЛКСМ послал танкистам по их просьбе баян. Подарок сопровождал следующий текст: «Пусть же звуки баяна и ~~переливы~~ отважных танкистов еще сильнее мотают нервы и душу проклятых фашистов».

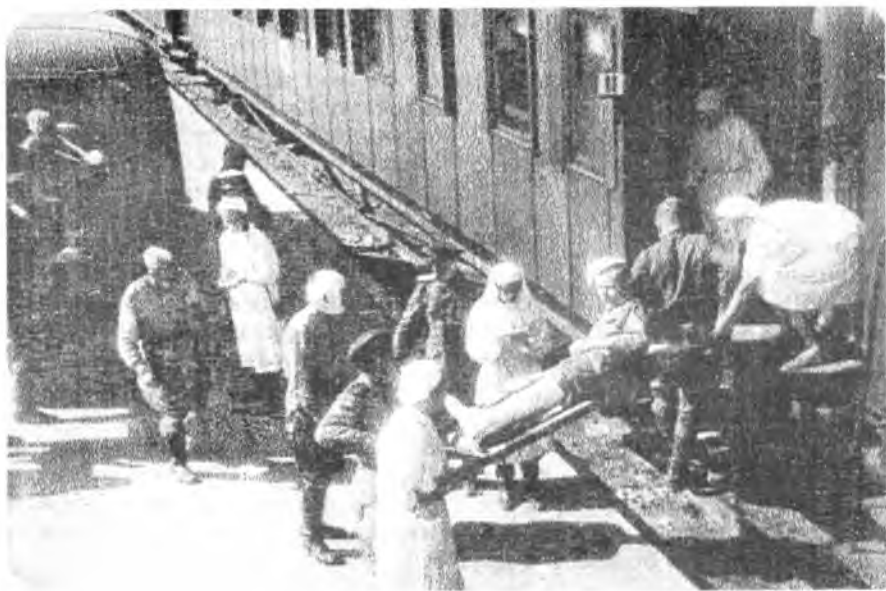
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

С первых дней Великой Отечественной войны на территории Вологодской области разместились госпитали крупнейшего в Красной Армии распределительного эвакуационного пункта (РЭП-95). В них проходили лечение раненые и больные воины Ленинградского, Карельского, Волховского и Северо-Западного фронтов. За период 1941—1945 гг. вологодские медики вернули в строй действующей армии свыше 365 тысяч бойцов — это двадцать полнокровных дивизий военного времени. Еще триста тысяч человек, пройдя курс лечения в госпиталях области, отбыли для окончательного выздоровления в глубокий тыл. Военно-санитарные поезда РЭП-95 вывезли с театра боевых действий около 1 млн. раненых.

Спору нет, приведенные цифры свидетельствуют о весомом вкладе прифронтовых медиков в дело победы над врагом. Однако не следует забывать, что за этими цифрами — жизнь и смерть, суматошные дни и бессонные ночи, физические страдания и душевные муки. За ними и то, о чем писать было не принято — строго регламентированные сроки лечения, с одной стороны, и реальная картина течения болезни, с другой.

«Царством распределительного эвакуационного пункта» назвал Вологду военных лет главный хирург Волховского фронта А. А. Вишнеvский. Действительно, на глазах обывателя одно здание за другим переходило в распоряжение людей в белых халатах. Еще утром у школьных ворот толпились школьники, а вечером здесь же можно было увидеть носилки с ранеными. Только под эвакогоспиталь № 442, передислоцированный в Вологду из Ленинграда, было отдано 17 зданий, включая железнодорожную поликлинику на улице Челюскинцев.

Осенью 1941 года Вологда ежедневно принимала по 9—10 санитарных поездов. В палатах не хватало мест, раненых размещали в коридорах, подсобных помещениях. В экстремальной обстановке работала западная группа госпиталей на железнодорожной линии Череповец—Бабаево. Нина Васильевна Матаруева — бывший начальник госпиталя № 3740 в пос. Бабаево рассказывает: «28 октября 1941 года не могу вспоминать без содрогания. Фашистские самолеты с бреющего полета бомбили железнодорожный вокзал. Защиты от них фактически не было. Крики, стоны, кровь, много крови... Слава богу, что накануне к нам наконец-то прибыл хирург. На Николая Евгеньевича Слупского*, выпала невероятная нагрузка. Раненых несли в госпиталь беспрестанно. Операции следовали одна за другой».

ВСП-312 на станции Вологда-1. Идет погрузка тяжелораненых

* Подробнее о хирурге Н. Е. Слупском можно прочитать в документальной повести Юрия Германа «Здравствуйте, доктор!»

В июне 1942 года в Вологде состоялась первая хирургическая конференция РЭП-95, на которую съехались врачи четырех фронтов и госпиталей тыла. Начальник Главного военно-санитарного управления РККА Е. И. Смирнов был немногословен. Главная задача сегодняшнего дня — добиться возвращения в строй как можно большего числа раненых, никак не менее 70%. Что ж, для такого заявления у начальника ГВСУ были весьма серьезные причины, о которых в своем докладе он, правда, предпочел умолчать.

Потери убитыми, пленными, пропавшими без вести к лету 1942 года шли уже на миллионы. Между тем мобилизационные ресурсы страны были исчерпаны. Не без подсказки сверху сначала ГВСУ, а затем и Наркомздрав готовят секретные приказы о сокращении сроков лечения раненых в госпиталях. В приказе Наркомздрава РСФСР за № 52-с, к примеру, устанавливалось, что боец с ранением плечевого сустава может находиться на больничной койке не более 80 дней. Указания ни в коей мере не препятствовать выписке получили военно-врачебные комиссии. Дополнительно поступившие из Москвы инструкции существенно расширяли показания о годности к несению строевой службы.

К каким последствиям привела практика возвращения в строй любой ценой, нетрудно догадаться. Врачи были вынуждены считаться с циркулярами о строго регламентированных сроках лечения. Открыто протестовать, по воспоминаниям хирурга вологодского госпиталя № 1184 В. Ф. Лавдовского, было небезопасно. Так или иначе, но тысячи бойцов продолжали мучиться в окопах от не до конца заживших ран и свищей, теряли силы, становились инвалидами.

Уже после войны нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев в узком кругу организаторов медицинской службы вынужден был признать: «...Иногда мы не долечивали, просто выпускали людей. Сейчас нам нужно резко изменить характер работы».

Более 12 тысяч солдат, умерших в госпиталях от ран и болезней, нашли вечный покой на вологодской земле. Многие погибли от запоздалого хирургического вмешательства при газовой гангрене. Так уж получалось, что нередко скальпель хирурга касался пострадавшего на поле боя только в стенах госпиталей Вологды и Череповца. К летальному исходу приводило и отсутствие опыта в определении места локализации очага инфекции при сепсисе и гнойных затеках. Впрочем, какой опыт мог быть, к примеру, у терапевта, которого война и нехватка хирургов заставили встать к операционному столу.

Особо следует сказать о категории раненых и больных, именовавшихся в медицинских отчетах как «блокадный контингент». Трагический финал, поджидавший многих солдат в Вологде, брал

свое начало в Ленинграде. По приказу НКО № 0171200 от 19 ноября 1941 г. суточный паек в госпиталях блокадного города был урезан до предела. Хлеба, к примеру, каждый получал всего 150 граммов. Именно в этот период Ленинградский обком и горком партии наводнили жалобы. В одной из них, адресованной А. А. Жданову, говорилось: «Нормы выдачи продуктов не выдерживаются. Масло и жиры не получаем вот уже несколько дней. Систематически недодается сахар, крупа, масло, овощи. Зачастую в обед и ужин подают лишь воду...»

Тогда, осенью 1941 года, пациенты госпиталей блокадного города еще на что-то надеялись, каждый по-своему боролся за свою жизнь. Зимой 1942 года на больничных койках вологодских госпиталей лежали, словно живые скелеты, десятки людей, совершенно безучастных ко всему происходящему. Бывшая медицинская сестра госпиталя № 1165 Г. Н. Холмогорова вспоминает: «Тяжкое было зрелище. Со слезами и испугом на глазах наблюдали мы, сестры и санитарки, как самые лучшие и опытные наши врачи молча отходят от больничных коек блокадников. Никакие экстренные вливания и процедуры уже не могли помочь этим людям».

Еще одной причиной, осложнявшей лечение раненых и больных, являлась острая нехватка лекарственных препаратов и перевязочных средств. В служебной записке, направленной в адрес председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, говорилось: «...В августе 1942 года госпитали имели запасы медикаментов и перевязочного материала не более месячной потребности. Недостает 72-х наименований медикаментов, крайне необходимых в лечебной работе». В приложении к служебной записке значатся как отсутствующие полностью: глюкоза, ампулы с камфорой, наркозный эфир и т. д.

В условиях острого дефицита лечебных средств медикам приходилось уповать на собственную смекалку и изобретательность. Врач госпиталя № 1327 А. П. Ромадина экономила гипс, добавляя в приготовляемый раствор опилки и ил из реки Шексны. У нее сразу же нашлись последователи в Вологде, Белозерске, Череповце. Более 300 подобных «рацпредложений» были внедрены в годы войны в практику медицинской работы.

Тысячи раненых врачи спасли благодаря доброте и щедрости человеческой души. Не столько пропаганда, сколько осознание того, что где-то там на фронте, на госпитальной койке одного из городов России быть может истекает кровью сын, брат, любимый, приводило вологжан на донорские пункты. Более 18 тысяч доноров сдали за годы войны 65148 литров крови. Увы, сегодня областная станция переливания крови переживает далеко не лучшие времена.

Не потому ли, что нравственный потенциал военного поколения был на порядок выше нынешнего. Одним словом — есть над чем задуматься!

И еще об одном. Сегодня России как никогда угрожает опасность национальной разобщенности. Быть может, беду эту способна отвести народная Память? Под надгробными плитами воинских кладбищ и братских могил покоятся русские и евреи, белорусы и украинцы, армяне и грузины. Откройте «Книгу-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории области в годы Великой Отечественной войны». Скорбными столбцами вписаны в нее имена и фамилии людей самой различной национальности: рядовой И. А. Иванов, младший сержант С. И. Коган, сержант А. П. Дегутис, рядовые Н. А. Сарелайнен и Б. Н. Аллакулов. Не только ратный подвиг во имя Победы, но и сама смерть породнила солдат минувшей войны. Грешно забывать об этом их сыновьям, внукам и правнукам, где бы они сейчас не жили, каких бы политических убеждений не придерживались.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

* * *

Медикам РЭП-95 приходилось трудиться не только в госпиталях Вологодской области, но и выезжать для эвакуации раненых в районы, вплотную примыкавшие к линии фронта.

Из отчета череповецкого ЭГ № 1331 за декабрь 1941 года*

По заданию управления РЭП-95 коллектив госпиталя приступил к оборудованию эвакуприемника в Подборовье. В суровые декабрьские морозы, доходившие до 40°, необходимое имущество было погружено в 8 вагонов. 7 декабря в 8 часов утра личный состав эвакуприемника прибыл на станцию Подборовье (пос. Подборовье был оставлен жителями из-за частых бомбежек). Было занято 22 пригодных для жилья дома. В течение 36 часов эвакуприемник был развернут, в первые же дни была установлена телефонная связь с аэродромом, продовольственной базой тыла фронта, железнодорожной администрацией и т. д.

В летную погоду на аэродром в 3 км от эвакуприемника дважды в день, в 11 и 16 часов, на самолете «Дуглас» из Ленинграда доставлялось по 600 — 900 раненых. Работа шла в условиях налетов вражеской авиации. Во второй декаде декабря немецкие бомбардировщики повредили железнодорожный путь, станцию, от

* Архив ВММ, ф. 879, оп. 70885, д. 20, л. 4.

взрывной волны пострадали деревянные дома. Во избежание потерь раненых эвакуировали ночью между 22 и 4 часами. 3 января 1942 года эвакуационный пункт был передислоцирован в Тихвин.

* * *

После того, как в августе 1942 года по решению Государственного комитета обороны РЭП-95 передал часть своих госпиталей в систему Наркомздрава, положение с обслуживанием раненых и больных осложнилось. Госпитали гражданского ведомства испытывали хроническую нехватку медицинских кадров.

Из справки Вологодского областного комитета помощи раненым и больным от 23 июля 1943 года

Госпитали системы Наркомздрава должны иметь 498 врачей, а имеют 400. Медсестер по штату 1585 чел., имеется 1416 чел. Особенно большой недокомплект врачей и медсестер в периферийных госпиталях...

Укомплектованность (в процентах) кадрами периферийных госпиталей

Населенный пункт	Врачи	Медсестры
Сокол	72,0	86,5
Бабаево	77,0	79,6
Великий Устюг	56,6	94,5
Харовская	68,6	77,0
Вожега	40,0	70,3
Чагода	61,1	78,9
Белозерск	66,6	94,7

Из приказа командования Архангельского военного округа от 29 апреля 1944 года**

В течение Отечественной войны медицинский состав эвакуационных госпиталей 95 распределительного эвакуационного пункта выполняет ответственное задание по приему и лечению раненых и больных северных

** ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 6, л. 50, л. 73.

Вологодская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов.— Вологда: СЗКИ, 1971.— С. 163—164.

фронтов Красной Армии и по обслуживанию гарнизонов Вологодской области...

Выписка в часть за последнее полугодие достигла 71,8%, смертность за последние полтора года снизилась в три раза, оперируемость в последнем полугодии 1943 г. достигла 22% ко всему числу лечившихся. Достигнуты серьезные успехи в сокращении сроков лечения и пребывания на койке раненых...

Систематически осуществляемая помощь войсковым частям и проводимые противоэпидемические мероприятия не допустили возникновения эпидемических заболеваний в частях округа, расположенных в Вологодской области.

Коллективом научных работников РЭПа проведена экспериментальная научная работа по внедрению промышленных белков в питание Красной Армии, завершающаяся сооружением первого в Красной Армии дрожжевого завода...

* * *

Из служебной характеристики на хирурга вологодского ЭГ № 1184 Цветкова Александра Павловича

...Высокое мастерство и хорошая оперативная техника при внимательном изучении каждого раненого позволили ему добиться высоких результатов в деле сокращения сроков лечения раненых и возвращения их в строй. Только в 1943 году им лично проведено 775 операций.

Прекрасный педагог — он на базе своего госпиталя сумел подготовить и обучить 12 врачей, переподготовить 8 гипсовых техников и 6 операционных сестер... Активный участник конференций врачей, на которых им сделано 18 докладов.

Примечание. В 1943 году А. П. Цветкову было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». После войны он работал в Вологодской городской больнице. Умер в 1963 году.

* * *

**Из письма раненых, опубликованного в газете
«Новый путь» Бабаевского района 29 марта 1945 года**

...Над нами, ранеными бойцами и командирами, находящимися на излечении в госпитале, взяли шефство ученики городской школы № 1 и детсад. Дети нас часто посещают, читают рассказы и стихи, поют песни. Это поднимает наш дух, еще больше придает нам сил. Одновременно дети просят отомстить врагу за гибель своих родных. Мы это помним..., будем беспощадно мстить врагу за детские слезы, за страдания детей.

По поручению бойцов, сержантов и офицеров Рута, Фомичев, Самухин, Ларионов.

* * *

Переход инициативы в руки Красной Армии возродил практику подготовки трудовых рапортов и обращений на имя И. В. Сталина. Через газеты и радио они доводились до широких масс населения, способствуя тем самым возвеличиванию культа вождя.

**Из обращения участников слета доноров Вологодской области
к И. В. Сталину, принятого 13 ноября 1943 года***

...Вологодский областной слет доноров шлет Вам, великому вождю народов и полководцу Красной Армии, свой пламенный сердечный привет!

В ходе всенародной борьбы против подлых захватчиков мы, доноры Вологодской области, стремимся помочь своей кровью спасти жизни наших раненых героев-воинов.

За десять месяцев 1943 года доноры Красного Креста дали фронту бесплатно крови на сумму 1648530 рублей. Средства эти перечислены в фонд Главного Командования Красной Армии на постройку танков, самолетов и прочего вооружения...

* ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 6, д. 50, л. 116 (публикуется с извлечениями).

«БЕЗ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА...»

Вологодский ГУЛАГ и карательная политика местных органов в годы Великой Отечественной войны. Подлинные факты и цифры, подлинные имена и фамилии. И вопросы, среди которых главный, бередающий уже зарубцевавшиеся душевные раны родных и близких осужденных. Нуждаются ли сегодня в реабилитации те, кто в памятном 1941 году заслужил клеймо предателя, дезертира, пособника фашистских оккупантов?

С самого начала войны ведомство Лаврентия Берии было озабочено тем, чтобы осужденные по печально известной 58-й статье, равно как и материалы на «врагов народа», не попали в руки немцев. Есть свидетельства, что архивы жгли даже на Лубянке. 24 июня 1941 года органы НКВД расстреляли в Дубне 500 заключенных, на следующий день 450 человек ликвидировали в Каунасе, свыше 400 — пало под дулами пулеметов во дворе львовской тюрьмы «Брыгидки». Вологодским чекистам повезло: лишний грех на душу не приняли: фронт был сравнительно далеко от границ области. Стремительный взлет смертности лагерного контингента на Вологодчине летом и осенью 1941 года имел под собой иные причины...

Начальник Вытегорлага, крупнейшего в Северо-Западном регионе лагеря НКВД, капитан госбезопасности Честных получил распоряжение о переброске заключенных в тыловые районы через месяц после начала войны. «Бланков», так именовался в телеграммах лагерный контингент, приказывают отконвоировать в Челябинск, Молотовск, Омск, в район Печоры. В депешах за подписью заместителя наркома внутренних дел В. В. Чернышева звучит предупреждение: «Форсируйте отправку!»

Переполненные трюмы барж, до отказа забитые людьми товарные вагоны, длительное ожидание порожняка и пробки на желез-

ной дороге заставляли впадать в панику вроде бы уже ко всему привычный конвой. Телеграмма на имя начальника Вытегорлага гласит: «Шексне шесть суток стоит баржа людьми. Дорога не дает вагонов. Запасы продовольствия на исходе». Лагерное начальство в свою очередь шлет отчаянные телеграммы в Москву, однако аппарат НКВД мало беспокоят трудности с отконвоированием. Их пугает приближение фронта, а посему: «Форсируйте отправку!»

И убывают: в Ягринлаг — 6000, в Безымянлаг — 1499, в Сызраньлаг — 1148 человек. Чуть позднее пойдут эшелоны в Молотовск, Омск, приступит к разгрузке своего контингента Череповецлаг. Дорога в тыл станет для многих людей дорогой на тот свет. В акте проверки, представленном заместителю начальника ГУЛАГа НКВД СССР Добрынину, говорится: «Приведенные материалы свидетельствуют, что к отбору людей в очередной этап Вытегорлаг отнесся преступно небрежно. Из 714 обследованных обнаружено с тяжелой формой пеллагры (полное истощение и умственное расстройство) — 54, с умеренной формой пеллагры — 169, с резко выраженным истощением — 97, слабосильных — 262, цинготных — 88, дизентерийных — 69. За период с 20 августа по 11 сентября в дороге умер 31 человек, сдано в больницу пересыльного пункта 159, из которых 25 уже умерло».

Впрочем, как выясняется, этот и другие подобные акты проверок, грозные предупреждения в адрес начальников лагерей вызваны вовсе не заботой о заключенных, а стремлением центрального аппарата НКВД оправдаться перед Сталиным за недопоставку рабочей силы в места новой дислокации.

По сути дела, это еще не написанная страница истории. Жертвы эвакуации узников ГУЛАГа не вошли ни в одну «Книгу Памяти», хотя сегодня вряд ли кто сомневается в том, что среди отправленных за колючую проволоку было немало оклеветанных, просто не угодных сталинскому режиму людей. Наконец, разве неправомерно считать жертвами войны узников ГУЛАГа, погибших при строительстве укрепрайонов в полосе линии фронта? Несколько сотен заключенных из Череповецлага, к примеру, были отконвоированы в район Старой Руссы, где в июле 1941 года шли ожесточенные бои. Еще несколько сотен убили из Вытегорлага на Карельский фронт.

Свыше 800 человек, отправленных 20 сентября 1941 года из Вытегорлага на строительство полевых укреплений в Петрозаводск, похоже, были обречены. Город был занят противником 2 октября, люди могли погибнуть либо от рук врага, либо от рук охранников. В экстремальной ситуации конвой распускал в лучшем случае так называемых «бытовиков», политических же — расстреливали...

Великая Отечественная война объективно привнесла и в без того суровое советское законодательство элементы «чрезвычайщины», породила новые ужесточающие указы. В Вологодской области статистика привлеченных к уголовной ответственности, правда, не выглядит столь пугающе. За уклонение от мобилизации в ряды РККА с 22 июня по 25 августа 1941 года были осуждены всего 14 человек. Так, один из них, зачисленный в 532-й стрелковый полк, из части ушел и скрывался. Другой отрубил у себя два пальца на левой руке. Сознательно учинил хулиганство, чтобы избежать фронта, третий — старший инспектор культурно-воспитательной части строительства НКВД. Сомнений в виновности этих и других осужденных за уклонение от мобилизации, пожалуй, не возникает. А вот что касается привлеченных к уголовной ответственности за распространение ложных слухов (Указ от 6 июля 1941 г.) и вражескую пропаганду, то здесь не все так просто. Так, страшная 58-я статья могла коснуться любого, кто «клеветал», что в блокадном Ленинграде люди умирают с голоду. Поневоле задумаешься, читая приговор в отношении Василия Николаевича Верещагина, который «проводил контрреволюционную агитацию — восхвалял фашистский строй Германии». Военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания...

Еще более сомнительными представляются дела директоров МТС, осужденных по статье 59-й УК РСФСР. Более десятка руководителей обвинялись либо в недопоставке фронта техники, либо в умышленной поставке непригодных тракторов и автомашин. Среди них директор Уфтыгской МТС В. А. Соколов, Верховажской — А. И. Будихин, Бабушкинской — Е. С. Аверкиев, Сараевской (Кич.-Городецкий р-н) — В. Ф. Пирогов. Вина последнего, в частности, заключалась в том, что он «должен был поставить два трактора ЧТЗ и две автомашины», однако «вместо двух тракторов поставил один, который оказался негодным к эксплуатации». Осужден военным трибуналом к трем годам лишения свободы. Только вряд ли несчастные директора МТС вздумали дружно вредить фронту. Скорее всего, иной техники у них попросту не было. Отдавали последнюю, а если что и утаили, то не от жизни хорошей. Предвидели, видимо, что придется скоро деревенским бабам впрягаться вместо лошадей в борону и соху.

И еще об одной категории вологжан, осужденных в сорок первом к различным срокам лишения свободы, требуется сказать. О «дезертирах трудового фронта». Покинул, к примеру, в декабре оборонные работы Михаил Иванович Красиков, житель деревни Кисловка Сямженского района. На суде он заявил: «Виновным себя не признаю. Я дезертировал домой потому, что у меня были плохие

валенки. Дома я хотел подшить валенки». Кстати, задержали Красикова в тот момент, когда он возвращался на оборонные работы. Однако приговор военного трибунала при Вологодском комитете обороны (защитника обвиняемому, естественно, не предоставили) был суров: «Пять лет лишения свободы без конфискации имущества ввиду отсутствия такового».

Другие, мобилизованные на оборонные работы, уходили домой за теплой одеждой, за лишним куском хлеба. И их можно понять: положение там было почти катастрофическим. Комиссар 7-го полевого строительства докладывал начальству о неудовлетворительном питании, о том, что люди страдают от холода, жаловался, что рабочие самовольно уходят в свои колхозы, чтобы отремонтировать одежду и обувь, запастись продуктами. Разрешить официально отпускать «хотя бы одного рабочего за продуктами, одеждой и обувью для целой группы» — вот о чем просил комиссар вышестоящее руководство. Однако репрессивные меры по отношению к «нерадивым» — путь привычный, и «наверху» к здравому голосу не прислушались...

Великая Отечественная война — величайшая драма в истории народа. Захватчики жгли наши города и села, убивали мирных жителей. Система сталинского правосудия донельзя усугубила эту драму. Немало еще придется потрудиться историкам, чтобы отделить зерна от плевел, а юристам — реабилитировать тех, кто понес наказание незаслуженно.

ЦИФРЫ, ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ

На 22 июня 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и так называемых строительствах НКВД содержалось 2,3. млн человек. Во II полугодии 1941 г. судами СССР было осуждено 1294822 человека. Освобождено из мест заключения свыше 600 тысяч человек, из которых 175 тысяч мобилизовано в действующую Красную Армию.

Согласно статистике ГУЛАГа умерло в 1941 г. — 100997, в 1942 г. — 248877, в 1943 г. — 166967, в 1944 г. — 60948, в 1945 г. — 43848 человек.

О физическом состоянии заключенных можно судить по следующим данным: в 1942 году были признаны способными к тяжелому труду — 19,2%, труду средней тяжести — 17%, легкому труду — 38,3%, не способными к труду по физическому состоянию и инвалидности — 25,5%.

Объем промышленной продукции, произведенной заключенными за три года войны, составил 3 млрд. 651 млн. рублей, а сельскохозяйственной — 1 млрд. 188 млн. рублей. Свыше 39 тысяч человек участвовало в производстве боеприпасов и вооружения, 20 тысяч строили танки и самолеты. На строительстве железных дорог было задействовано 448 тысяч, на строительстве аэродромов и шоссейных дорог — 208 тысяч человек.

В годы войны более 35% заключенных составляли лица, осужденные за «политические и государственные преступления», так называемые «враги народа». Некоторым из них удалось попасть на фронт, как правило, в штрафные части, где «позор предательства и преступления» требовалось смыть кровью.

* * *

Телеграмма заместителя наркома внутренних дел Е. П. Завенягина от 20 августа 1941 года*

Начальнику Вытегорского строительства
и лагеря НКВД тов. Честных

Для выполнения производственного задания оборонного значения срочно отберите и направьте в распоряжение начальника Кемперсайского лагеря (5-й разъезд участка Кандагач—Орск Оренбургской ж. д.) 70 человек заключенных по специальностям: экскаваторщики, горные техники, горнорабочие.

* * *

Из «Справки по делам о растратах и хищениях в кооперации, госторговле и колхозах, рассмотренных судами Вологодской области в III квартале 1941 года»**

Направлено дел в суд:

Прекращено дел:

54 — потребительская кооперация
47 — госторговля
31 — колхозы

6 — потребительская кооперация
7 — госторговля
1 — колхозы

Уголовные дела о растратах и хищениях суды, как правило, возбуждали, руководствуясь постановлением ЦИК и СНК СССР от

* Документ из архива УВД ВО.

** ГАВО, ф. 4792, оп. 1, л. 10, л. 93.

7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Знаменитый «Закон о колосках» отличался декларативным, жестким тоном. Его появление было вызвано страшным голодом, охватившим в 1932-1934 гг. значительную часть территории СССР, в результате которого погибли миллионы советских граждан.

1 ноября 1941 года нарком внутренних дел А. П. Берия направил И. В. Сталину служебную записку с предложением считать вынесенные судебными органами на местах смертные приговоры окончательными и не подлежащими обжалованию. Из приложенной к служебной записке справки явствует, что в 26 областях утверждения Военной коллегией Верховного суда СССР смертных приговоров дождалось 10645 человек. В подавляющем большинстве это были лица, обвиненные в «государственных и политических преступлениях». В тюрьмах УНКВД по Вологодской области содержалось 144 человека, приговоренных к высшей мере наказания.

С осени 1941 года при Вологодском комитете обороны начал вершить суд военный трибунал. За первые два года войны им было рассмотрено 520 дел. Наибольший процент осужденных падал на граждан, дезертировавших с оборонных работ.

Незначительное количество уголовных дел приходилось на лиц, уклонявшихся от мобилизации в ряды Красной Армии. Причем, осужденные за данный вид преступления в ряде случаев получали отсрочку в исполнении приговора и направлялись в штрафные роты и батальоны.

В апреле 1942 года заместитель председателя Верховного суда СССР внес протест на решение военного трибунала при Вологодском комитете обороны, который осудил на пять лет лишения свободы гражданина АБ Илью Лазаревича за уклонения от призыва в ряды РККА.

Выписка из «Определения Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 апреля 1942 года.»

...Считать нецелесообразным содержание в данное время АБ под стражей, приговор в отношении его на основании примечания

к ст. 28 УК РСФСР отсрочить исполнением до окончания военных действий, направив АБ в действующую армию.

Разъяснить АБ, что если он на фронте проявит себя стойким защитником Родины, то по ходатайству командования он может быть освобожден от отбытия наказания.

АБ из-под стражи освободить.

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР корво-енюрист Орлов

Члены Военной коллегии Верховного суда СССР: диввоенюрист Кандыбин, бригавоенюрист Кондрашов

15 апреля 1942 г. Верно: Секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР мл. военюрист Репьева

Преступления, совершенные рабочими и служащими железнодорожного транспорта, в Вологде рассматривал военный трибунал Северной железной дороги. Самым распространенным видом преступления были прогулы и самовольный уход с работы.

Справка о прогулах и дезертирстве на Северной железной дороге в 1942—43 гг.*

Годы	Прогулы	Дезертирство
1942	1756	317
1943	651	329

Ответственность за прогулы была определена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Всякое нарушение без уважительной причины продолжительности рабочего времени свыше 20 минут уже считалось прогулом и влекло наказание в виде исправительных работ сроком до 6 месяцев. Чтобы не «портить» показатели, дела о прогулах в судебную статистику не включались. По этому же Указу рабочие и служащие, оставившие место своей работы или перешедшие на другое предприятие без разрешения администрации, наказывались тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев.

* ГАВО, ф. 628, оп. 1, д. 1952, л. 1.

Рабочие и служащие Северной железной дороги в Вологодской области, находившейся на военном положении, считались мобилизованными. На них распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 года, трактовавшее самовольный уход с работы как дезертирство. За этот вид преступления предусматривалась ответственность более суровая — от 5 до 8 лет лишения свободы.

* * *

Реабилитирован Сообщение областного суда*

Фролков Александр Григорьевич, 1907 года рождения, уроженец деревни Спирово Уломского района Вологодской области, работавший преподавателем русского языка и литературы в Воскресенской школе Петриневского района Вологодской области, приговором Военного трибунала войск НКВД СССР Вологодской области от 14 августа 1942 года по искусственно созданному обвинению был признан виновным в антисоветской агитации и осужден к высшей мере наказания — расстрелу, которая Президиумом Верховного Совета СССР 13 сентября 1942 года была заменена 10 годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях.

Президиум Вологодского областного суда при рассмотрении дела в порядке надзора 26 июня 1989 года установил несостоятельность предъявленного Фролкову А. Г. обвинения и отменил незаконный приговор, полностью реабилитировав Фролкова А. Г. за отсутствием в его действиях состава преступления.

* См.: Красный Север. — 1989, 19 августа.

«НАПРАВЛЯЮТСЯ НА ЛЕСОРАЗРАБОТКИ...»

Депортационная политика сталинского руководства, достигшая своего апогея в годы Великой Отечественной войны, обрушилась на представителей более сорока народов СССР. Места своего исконного проживания вынуждены были покинуть почти 3,5 миллиона человек. Беспрецедентные акции по переселению советских немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, турков-месхетинцев И. В. Сталин и его ближайшее окружение лицемерно объявляли необходимостью защиты безопасности страны. Уродливые порождения депортационной политики до сих пор мешают правовому урегулированию национальных проблем, являются благодатной почвой для разжигания вражды и ненависти между народами.

Точкой отсчета в истории ссылки советского периода в Вологодской области можно считать резолюцию Северного краевого комитета от 1 апреля 1930 года. Согласно этой резолюции Вологодский округ должен был подготовиться к приему 15 тысяч семей «кулаков-выселенцев». На обустройство «классово-чуждому» элементу отводилось полгода, выплачивать хотя бы копейку за эти труды не полагалось. Правда, документ обещал выселенцам «отпускаемое для них минимальное питание производить в порядке государственной ссуды». От этой и прочих «великих и малых забот» успела вымереть не одна тысяча людей, и к началу Великой Отечественной войны в области проживало чуть более 10 тысяч бывших кулаков (3225 семей), которые в отчетах отдела спецпереселений ГУЛАГа именовались до 1944 года «трудпоселенцами», а позднее — «спецпоселенцами».

После нападения фашистской Германии на СССР крепких и молодых парней, несмотря на их „запятнанную“ биографию, сочли возможным без лишнего шума призвать в ряды РККА. Таковых в 46 трудпоселках Вологодчины набралось 391 человек. Истощив мобилизационные ресурсы, Кремль пошел на то, чтобы мужчины призывных возрастов из кулацких поселков пополнили полки и дивизии Красной Армии на законных основаниях. Руководствуясь постановлением ГКО от 11 апреля 1942 года, военкоматы области направили на фронт 679 человек. Оставшееся взрослое население как и прежде использовалось в первую очередь на раскорчевке леса (к началу войны было освоено более 10 тысяч гектаров земли), стройках НКВД и других тяжелых работах.

Цифра мобилизованных в Красную Армию лиц кулацкого происхождения могла быть и выше, однако полного доверия к ним у Сталина все же не было. Более того, агентурно-осведомительная сеть — предмет особой гордости ГУЛАГа — в трудпоселках продолжает расти. К 1 декабря 1944 года из 4858 спецпоселенцев, проживавших на территории области, согласие стать агентами и осведомителями «компетентных органов» дали 259 человек. По проценту охвата поднадзорного элемента «своими людьми» вологодские чекисты вышли на почетное третье место, уступив в служебном рвении лишь коллегам из Приморского края и Коми АССР.

Отнюдь не способствовало поднятию морального духа призванного в РККА то обстоятельство, что ни он сам, ни члены его семьи не были сняты с учета как «классово-чуждый элемент» и продолжали отчислять государству 5% своей зарплаты на содержание административно-управленческого аппарата ссылки. 22 октября 1942 года Л. П. Берия вынужден был подписать приказ N 00203 «О снятии с учета трудссылки трудпоселенцев, призванных в Красную Армию». Увы, выполнение данного приказа на местах проходило с большой задержкой.

Процесс восстановления «эксплуататоров трудового народа» в их законных правах шел долго и мучительно. 8 января 1945 года вышло постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», в соответствии с которым им на общих основаниях со всеми гражданами стали выдаваться трудовые книжки. Согласно постановлению Совмина СССР от 13 августа 1954 года с учета органов МВД снимались все кулаки, высланные из районов сплошной коллективизации. В 1959 году ВЦСПС и МВД СССР пришли к выводу о возможности подтверждения трудового стажа спецпоселенцев свидетельскими показаниями, так как в личных делах бывших кулаков их рабочая занятость в ссылке отражалась далеко не всегда. Однако и в этом случае, возникали бюрократические препю-

ны, не говоря уже о том, что период «эксплуататорского прошлого», т. е. до раскулачивания и выселения, в трудовую книжку не заносился вовсе.

Особое место занимает Вологодский край в политике переселения народов. С 1940 года в отчетах ГУЛАГа появилась новая графа — «польские осадники и беженцы». Осадниками считались бывшие военнослужащие Польши, получившие от своего правительства за участие в советско-польской войне 1919–1920 гг. земли в районах, заселенных украинцами и белорусами. После присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР осадников поспешили объявить «заклятыми врагами трудового народа». Заодно с ними в Сибирь, Казахстан, Поволжье, Урал и на Европейский Север СССР депортировались беженцы из оккупированной немцами Польши. Так в Вологодской области оказалось 16 тысяч польских осадников и беженцев.

В соответствующей инструкции, подписанной лично Л. П. Берией, говорилось, что спецпереселенцы «направляются на лесоразработки» и «размещаются в отдельных поселках от 100 до 500 человек в каждом». Семейным в бараке отводился свой угол, одиноким — 3 кв. метра жилой площади. Всем полагалось выдать пилы и топоры, одежду и обувь по сезону. Однако, в реальной жизни все выглядело иначе. Людей привезли на лесные делянки, где жильем и не пахло. С инструментом, одеждой и обувью тоже было туго. Через несколько месяцев тот же Лаврентий Берия, обеспокоенный сложившейся ситуацией, докладывал Сталину о том, что в ряде областей, в том числе в Вологодской, многие бараки не достроены, печи в них не выложены, окна не застеклены. Наркомлес, в чье распоряжение поступили польские граждане, не обеспечил прибывший контингент в достаточном количестве пилами и топорами.

После первой же суровой зимы среди поселенцев резко возросло число больных и нетрудоспособных. К моменту объявления амнистии (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г.) многих поляков уже не было в живых. Получив свободу, снялись с только что обжитых мест вместе со своими семьями пожелавшие вступить в армию Владислава Андерса. Штабы ее формирования находились в Бузулуке и Татищеве. Еще часть поляков в неорганизованном порядке двинулась на юг, в район Алматы. Впрочем, решиться на дальнюю дорогу рискнули не все, некоторые не могли этого сделать просто физически.

В 1942 году в Харовском доме инвалидов содержалось 180 человек, из них 58 были польскими гражданами. Все они успели получить за два года пребывания в Вологодской ссылке инвалидность I и II групп. Заведующий облсобесом П. Д. Боков докладывал вышестоящему начальству, что в доме инвалидов организовано двухразовое горячее питание, каждый его обитатель получает ежедневно 400 граммов хлеба. Однако перечисленные остатки продуктов: 553 кг муки, 41 кг пшенной крупы, 19,5 кг соли и 1,3 кг растительного масла — о сытой жизни постояльцев никак не говорили.

Словно на беду, именно в эти дни польское посольство в Москве стало настойчиво интересоваться судьбой своих подданных. Оценив ситуацию, опытный аппаратчик П. Д. Боков предложил сам факт наличия в Вологодской области поляков-инвалидов от представителя посольства Зольмана скрыть. Начальство же заверило, что в случае необходимости Харовский дом отдыха сможет передать под размещение польских граждан еще два здания...

В ненастные осенние дни, выполняя постановление СНК СССР от 11 августа 1944 года, органы НКВД еще раз занялись судьбой поляков. Всех, ранее не выехавших с армией генерала Андерса в Иран, переселяли на Украину. Из Вологодской области в теплые края выехало 2030 человек.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года положил начало массовому переселению советских немцев. Из автономной республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей под бдительным оком органов НКВД двинулись в путь сотни тысяч людей. Позднее по инициативе местных партийных и советских органов немцы выселялись и из других регионов СССР. Завезенные в Вологодскую область относились к категории мобилизованных, т. е. попадали под действие постановления ГКО от 10 января 1942 года. По этому постановлению из мобилизованных немцев формировались рабочие колонны. Людей размещали в отдельных лагерных пунктах, обнесенных колючей проволокой. На работу и с работы они шли в сопровождении конвоиров. Высокие производственные нормы, строгая дисциплина, штрафной изолятор для провинившихся — все это очень напоминало порядки исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

Сурово карался самовольный уход с работы, тем более — побег. Задержанную на вокзале Вологды Дервель Мирру Отповну Особое совещание приговорило к трем годам тюремного заключе-

ния. Можно сказать, повезло, ибо за дезертирство из трудовых колонн предусматривалась и высшая мера наказания. Впрочем, удариться в бегу мало кто решался. Не чувствуя за собой никакой вины, люди крайне тяжело переживали случившееся. Многие, особенно женщины, продолжали верить в «отца народов», отправляя на имя вождя слезные письма по поводу свершившейся несправедливости. Письма эти обычно дальше областного управления НКВД не попадали. Оттуда же на места следовал, как правило, вежливый отказ.

«Просим объявить мобилизованной в рабочую колонну немке Штро Ольге Федоровне, что ее заявление, поданное на имя тов. Сталина о демобилизации из рабочей колонны немцев, рассмотрено и просьба оставлена без удовлетворения», — уведомил своего коллегу в Междуреченском районе начальник УИТАК по Вологодской области капитан госбезопасности Смирнов.

После войны советские немцы, переведенные на спецпоселение, оставались в Вологодской области еще несколько лет. На 1 января 1949 года их насчитывалось 9520 человек. Вместе с немцами судьбу репрессированных народов разделили чеченцы, бывшие власовцы и оуновцы, также побывавшие в Вологодской глубинке. Наконец, в районных детских дсмах очутились дети иностранных подданных, осужденных по различным причинам военными трибуналами. Одним словом — история Вологодской ссылки советского периода еще требует тщательного изучения. Однако уже сегодня поднимаются с архивных полок дела «кулаков» и прочих «врагов народа» с целью восстановления справедливости, путь к которой растянулся на долгие десятилетия.

ЦИФРЫ, ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА

* * *

**Места дислокации трудпоселков и количество
содержащихся в них бывших кулаков
по состоянию на 1 апреля 1941 года***

Населенный пункт	Количество трудпоселенцев	Населенный пункт	Количество трудпоселенцев
Вологодская обл.	9978	Калинино	158
Сокол	1185	Сенная	158
Харовск	859	Долговский	148
Чибсара	468	Снежная	144
Енальский	441	Нижняя Нореньга	137
Ширега	347	Захаровск	135
Чековский	270	Осиновка	127
Зимняк	256	Еловец	125
Ботиха	252	Малиновец	123
Печенжица	237	Петриневский	119
Высокий	233	Войница	118
Дупловский	228	Верхняя Нореньга	117
Вологда	222	Муравьево	115
Яхреньга	219	Рябиновец	108
Малевица	212	Сосновая	104
Заречье	210	Поляна	102
Брусная	209	Лоцваж	98
Сухонец	196	Заболоты	96
Север	195	Столбовский	87
Пигомский	187	Лисья Горка	85
Березник	180	Плоское	85
Осиновец	170	Согзар	83
Пиныла	163	Подгорный	76
Корытовка	162	Гремиха	70
Веселуха	159		

* См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. — 1992. — № 2. — С. 12.

* * *

Из докладной записки А. П. Берии
в адрес И. В. Сталина и В. М. Молотова *

2680/6, 1. X—1941 г.

Копия

Совершенно секретно

ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину
НКВД СССР — товарищу МОЛОТОВУ.

На 27 сентября 1941 года, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12.VIII—1941 года, из 391575 польских граждан, находившихся в местах заключения, ссылке и высылке, освобождено из тюрем и лагерей 50295, военнопленных — 26297, из спецпоселков, мест ссылки и высылки — 265248.

... Часть освобожденных польских граждан, главным образом из спецпоселков Архангельской и Вологодской областей, Якутской и Коми АССР и других северных районов СССР, не дожидаясь указаний польского правительства, в стремлении до наступления зимы найти удобное местожительство выезжает в южные области (преимущественно в южные области Урала и республики Средней Азии), а также в пункты формирования польских частей.

Многие из этих людей, не имея возможности из-за отсутствия средств доехать до избранного пункта местожительства, в пути следования к ним задерживаются в промежуточных городах — Киров, Казань, Горький, Молотов, Челябинск и др. Не встречая в этих городах достаточной помощи со стороны местных советских органов в предоставлении им жилья и работы, они посылают телеграммы в польское посольство в Москве с требованием оказать им срочную материальную помощь.

* * *

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 28 августа 1941 года

О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья **

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья,

* Цит. по: Новая и новейшая история.— 1993.— № 2.— С. 65-66.

** Цит. по: Военно-исторический журнал.— 1990.— № 9.— С. 33.

имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике Немцев Поволжья или прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороне предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и выделить переселяемым немцам Поволжья землю и угодья в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Из донесения министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова
на имя заместителя председателя Совета Министров СССР
А. П. Берии

6 мая 1949 г.

Секретарь Вологодского обкома ВКП(б) тов. Дербинов и председатель облисполкома Корепанов ходатайствуют об оставлении

Цит. по: Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать» — М.: Дружба народов. — 1992. — С. 82–83.

спецпереселенцев в Вологодской области на работах лесозаготовительных трестов «Вологдабумлес», «Череповецклес», «Устюглес» Министерства лесной и бумажной промышленности СССР.

...В Вологодскую область были завезены немцы. На 1949 г. их насчитывалось 6665 чел. (трудоспособных — 3684 чел.). Были расселены в лесных поселках трестов, удаленных от железных дорог.

За истекшее время спецпереселенцы приобрели навыки для работы на лесозаготовках, получили необходимую подготовку, стали квалифицированной рабочей силой.

...Большинство обзавелось домашним хозяйством, огородами, скотом, птицей, улучшились и жилищные условия.

Министерство внутренних дел СССР считает целесообразным поддержать просьбу об оставлении контингента спецпоселенцев в Вологодской области на лесозаготовительных работах.

Министр внутренних дел С. Круглов.

* * *

Письмо германской подданной немки
Грюнинг Гильдегард Эдмунд, осужденной 17 октября 1945 г.
и амнистированной 3 октября 1955 г.,
заведующему Кирилловским детским домом Вологодской области

Уважаемый господин директор!

Я, Грюнинг Гильдегард, мать девочки Грюнинг Мариц, от всего сердца благодарю Вас за воспитание моей дочери. К сожалению, я в настоящий момент не в состоянии выразить мою благодарность в иной форме. Но я этого никогда не забуду и сумею доказать, как я счастлива и благодарна за все, что сделали Вы, господин директор, и Ваши воспитательницы.

С глубоким уважением.

Ваша благодарная фрау Грюнинг Гильдегард.

3/Х-55 г.

Перевел: ст. оперуполномоченный оперотдела управления лагеря МВД № 476 А. Дельва.

* * *

«Спецконтингент», безусловно, внес определенный вклад в трудовые достижения области в годы войны. Однако выполнение государственных заданий в первую очередь было обеспечено за счет неоднократных мобилизаций местного населения.

**Из докладов заместителя председателя облисполкома
первому секретарю обкома ВКП (б) Б. Ф. Николаеву
и председателю облисполкома А. Д. Абрамову***

* * *

21 декабря 1943 г.

...Довожу до Вашего сведения, что решение облисполкома от 25.11.43 г. о мобилизации 1200 человек Северолесу Архангельской области районами упорно не выполняется. По состоянию на 21.12.43 г. мобилизовано всего лишь 15 чел. Андомским районом, все без исключения районы от мобилизации рабочих категорически отказываются, мотивируя отсутствием людей, подпадающих под закон мобилизации. Многократные телефонные разговоры с председателями райисполкомов и наши телеграфные указания и требования результатов не дают. Сами председатели райисполкомов настаивают на вызов их в облисполком для дачи объяснений по данному вопросу.

* * *

30 декабря 1943 г.

...Дальнейшее выполнение постановлений СНК СССР и ГКО по мобилизации рабочей силы становится абсолютно невозможным из-за отсутствия рабочей силы в колхозах... По ряду районов в последнее время проведен персональный учет всего трудоспособного и подпадающего под закон мобилизации населения... Положение... действительно тяжелое и ряд районов не может выполнить наших решений по мобилизации, не говоря уже о новых задачах... Недостаток рабочих в сельском хозяйстве... 61,6 процента...

* Цит. по: Акинъхов Г. А. Вологда прифронтовая: Хроника. — Архангельск: СЗКИ, 1990. - С. 173-175.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Почти пять десятилетий минуло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Пожалуй, в мировой истории не было события более драматичного, круто изменившего судьбы многих людей. Удел плена был трагедией русских и немцев, англичан и итальянцев, французов и венгров, американцев и испанцев — более чем тридцати пяти миллионов подданных самых различных государств. Перечеркнув всякие нормы международного права, вела боевые действия нацистская Германия. Советский Союз, отказавшись в 1929 году подписать Женевскую конвенцию о военнопленных, сделал первый шаг на пути к тому, чтобы обречь на муки ада своих солдат, оказавшихся в руках противника. Захваченным войсками Красной Армии немцам, итальянцам, румынам, венграм, финнам, испанцам оставалось уповать только на то, что СССР отнесется к ним милосердно.

По отчетам управления НКВД—МВД СССР по делам военнопленных и интернированных после капитуляции Германии в советском плену оказалось более 4-х млн. человек. Однако немецкие историки приводят иные, гораздо более высокие цифры. По их мнению, в русском плену только солдат и офицеров вермахта было более 3-х млн. человек. Хотя эта цифра, судя по всему, завышена, в подсчете исследователей из Германии есть своя логика. Дело в том, что архивы НКВД—МВД отражают картину только персонально учтенных военнопленных. Сколько их погибло в армейском тылу, при многокилометровых пеших переходах, при транспортировке в глубокий тыл, наконец, от рук красноармейцев, ослепленных яростью к врагу, сказать трудно... Подсчеты умерших, проведенные германской стороной (от 1 млн. 100 тысяч и выше) резко отличаются

ся от тех данных (450 тысяч умерших), которыми оперируют советские историки.

За все время войны в официальных документах Советского правительства, высшего командования Красной Армии не было и намека на нарушение законов и обычаев войны. Однако в последующие годы пленные солдаты и офицеры, в первую очередь немцы, стали козырной картой Кремля в разрешении спорных международных проблем. Так было, к примеру, в вопросе объединения расчлененной Германии в единое государство, который неоднократно обсуждался на дипломатическом уровне. Неоправданно длительное пребывание в русском плену сотен тысяч солдат вермахта в значительной мере подорвало доверие к СССР на мировой арене, обернулось трагедией для их семей, многие из которых так и не дождались возвращения домой узников русских лагерей. По данным специальной комиссии ООН остается невыясненной судьба 87353 немцев, находившихся в советском плену.

Волею судьбы в лагерях Череповца, Вологды, Сокола, в других обжитых и малообжитых уголках нашего края побывало не менее 60 тысяч военнопленных, из них от ран, голода, болезней и лишений погибло свыше 6 тысяч человек. Еще несколько сотен в конце сороковых годов были переведены в тюрьмы, режимные лагеря и вернулись на родину только в конце 1955-го — начале 1956 года.

* * *

Из лагерей Вологодской области наибольшее количество военнопленных побывало в лагере № 158 в Череповце. Этот лагерь был создан в июне 1942 года по приказу Москвы как лагерь-распределитель на 10 тысяч мест. С армейских приемных пунктов Карельского и Волховского фронтов сюда поступали немцы, финны, испанцы из знаменитой «Голубой дивизии». Точного учета пленных в период их массового поступления не велось, но речь идет не менее чем о 100 тысячах человек, переправленных через несколько дней в лагеря Сибири, Урала и других регионов СССР.

Оказавшись в лагерях Череповца, Вологды, Грязовца, Сокола, отвоёвывавшиеся солдаты и офицеры вели себя по-разному. Многие смирились с участью плена, сотрудничали с лагерной администрацией, становились осведомителями оперативных отделов. Сотни солдат вермахта примкнули к организации военнопленных «Свободная Германия».

Конечно, были среди пленных и убежденные сторонники нацистского режима. Последователи фашизма за колючей проволокой расправлялись с антифашистским активом, являлись подстрекателями забастовок и саботажа на производстве.

Прозрел или позирует?
Немецкий пленный Отто Рот читает Ленина. Август 1941 г.

Разными были причины побегов: желание перейти линию фронта, невыносимые условия содержания, боязнь ответственности за совершенные преступления. Беглецов, как правило, вылавливали, объявляя всесоюзный розыск. Иногда стремление любой ценой вырваться из-за колючей проволоки приводило к печальным последствиям. В спецсообщении начальника УНКВД по Вологодской области полковника Слякоткина, в частности, говорилось: «23 XII-44 г. из лагеря № 193 гор. Сокол бежали военнопленные: Детлов Август Вильгельм, 1909 г. р., немец, Вайзнер Пауль Бруно, 1920 г. р., немец, Карштенц Ганс Петер, 1925 г. р., австриец. Бежавшими было совершено вооруженное ограбление квартиры колхозницы Агафоновой, проживающей в дер. Гуреево Боровецкого с/совета Сокольского района. Находящимся в это время в квартире Агафоновой Екатерине Николаевне 70 лет и ее дочерям Вере, 1919 г. р. и Анне 1915 г. р. были нанесены тяжкие ножевые рапения и к моменту прибытия опергруппы, действовавшей по задержанию бежавших, Агафоновы находились в бессознательном состоянии. Злоумышленниками были похищены личные вещи, продукты питания и прочее... Бежавшие были обнаружены в 9 км от дер. Абросово Боровецкого с/совета и задержаны. При задержании военнопленный Детлов был убит, военнопленный Карштенц ранен. Потерпевшие Агафоновы помещены в горбольницу, похищенное имущество возвращено родственникам потерпевших. Задержанные и убитый военнопленный доставлены в лагерь № 193. Расследование проводится».

Осенью 1944 года сразу три госпиталя — один в Череповце, один в Бабаеве и один в Вожеге — перешли на обслуживание военнопленных. Известие об этом вызвало среди медперсонала неоднозначную реакцию. Многие успели потерять на фронте родных и близких, не раз слышали рассказы раненых красноармейцев о зверствах немецких солдат. «Внезапный переход к необычной работе потребовал перестройки сознания людей на необходимость добросовестного лечения врагов, причинивших столько горя и страдания нашей Родине», — писал в своем отчете начальник госпиталя в Череповце майор медицинской службы П. В. Угрюмов.

Как бы то ни было, гуманизм и милосердие, верность профессиональному долгу одерживали верх. В бывшем «Особом архиве» хранятся сотни отзывов, сделанных военнопленными накануне репатриации. Больше всего теплых слов сказано в адрес медиков. Можно допустить, что часть благоприятных заявлений (практика их сбора вменялась администрации лагерей в обязанность) написана под нажимом, из-за боязни в последний момент остаться за колючей проволокой. Однако в искренности большинства пленных сомнений нет. У капитана вермахта Эвальда Клейста, осужденного к 10 годам лишения свободы только в марте 1955 года, обиды на беззаконие советских властей было предостаточно. К тому же, всего несколько месяцев назад во Владимирской тюрьме умер его отец — фельдмаршал Эвальд Клейст. Тем не менее, вот что написал перед возвращением на родину бывший офицер германской армии: «Обращение со мной, как с туберкулезным больным, во время моего пребывания в госпиталях для военнопленных было корректным, для восстановления моего здоровья делалось все. В госпитале при лагере в городе Шахты мне была сделана операция легких специальным хирургом, прибывшим из Москвы. Надо признать, что медицинский персонал в эти годы делал для больных все, что было только возможно».

Первая послевоенная зима и последовавший за ней неурожайный год подорвали силы многих обитателей лагерных бараков. Резко возросла смертность. Свидетельства о том, что в 1946 году на Вологодчине голодали не только военнопленные, но и местные жители, зафиксированы, между прочим, в сборнике документов «К истории немецких военнопленных второй мировой войны», который издан в Германии.

Перебои в снабжении лагерей продуктами питания, в первую очередь овощами, в принципе можно было предотвратить. Начальник отдела военного снабжения лагерей НКВД подполковник Коган бил тревогу, что из-за снежных заносов имеющиеся в его распоряжении автомашины не в состоянии вывезти хранящийся на складах

мороженный картофель, что на почве недоедания у пленных упала трудоспособность. Однако у областного начальства просьба о предоставлении лагерям гужевого транспорта не нашла понимания. Заместитель председателя облисполкома Герасимов сослался на то, что лошадям накануне предстоящего весеннего сева требуется отдых.

Вынужденные бороться за свое выживание пленные шли на всяческие ухищрения. Был случай, когда, то ли уговорив охрану, то ли на собственный страх и риск, группа смельчаков вышла за колючую проволоку и ночью хозяйничала на чужих огородах. По иронии судьбы земельные участки, подвергшиеся опустошительному набегу, принадлежали работникам прокуратуры. В адрес областного управления МВД незамедлительно пришла гневная депеша. Реакция органов, защищавших честь мундира, была довольно своеобразной: виновных предложили поискать в другом месте, подчеркнув, что охрана лагерей обеспечена надежно.

В июне 1946 года распоряжением Совета Министров СССР лагерям военнопленных под сенокосные угодья выделялись земли колхозов, государственного и лесного фондов. Два лагеря в Череповце, один в Соколе и один в Грязовце получили в свое распоряжение 570 гектаров земли. В дальнейшем организация при лагерях подсобных хозяйств сгладила остроту продовольственной проблемы. За шесть месяцев 1948 года в этих хозяйствах силами военнопленных было выращено 175 голов крупного и 85 голов мелкого рогатого скота, 47 лошадей и 125 свиней.

Строительные, дорожные, да и другие предприятия области охотно заключали с администрацией лагерей договоры на использование дешевой рабочей силы. Что-что, а работать военнопленные, подавляющее большинство которых составляли немцы, умели. В Вологде они построили первое пятиэтажное каменное здание в районе льнокомбината, несколько зданий в районе улицы Набережной. Немцы проложили первые километры автогужевого дороги Вологда—Ярославль. В 1949 году многие получили право вместо повязки на рукаве с буквами «ВП» надеть повязку с буквами «КС». Дотошные горожане быстро уразумели значение новой символики: «КС» — команда самоохраны.

Бывшие солдаты вермахта трудились и на промышленных предприятиях: бумкомбинате в Соколе, заводе «Красная Звезда» в Череповце, стеклозаводе в Чагоде и других. Работа русских и немцев, зачастую в одном цехе, поневоле заставляла людей вступать в контакт друг с другом. И вот уже совместные перекуры, доброжелательные улыбки, как будто и не было совсем той страшной войны.

Отдавая должное добровольцам, выехавшим на строительство Северной Магнитки, надо прямо сказать — немалую роль в строительстве Череповецкого металлургического завода сыграли немцы. 1 февраля 1949 года И. В. Сталин лично подписал секретное распоряжение Совета Министров СССР № 1167, обязывавшее лагерь № 437 выделять на строительство завода ежедневно 1500 военнопленных.

Не стоит идеализировать условия труда пленных. Особенно тяжело приходилось тем, кто трудился на лесоповале, реконструкции Волго-Балта, на прокладке рельсового полотна и строительстве дорог. Доставка продуктов в отдаленные точки области при нашем-то бездорожье всегда была проблемой. Жить, как правило, приходилось в наспех сколоченных из горбыля бараках, которые снаружи утеплялись землей. Осенняя сырость, сменявшаяся крепкими морозами, привела на больничную койку сотни человек. Не случайно в госпиталях военнопленных более половины больных лежали с диагнозом туберкулез.

Репатриация нетрудоспособных военнопленных, объявленная постановлением Совета Министров СССР N 1671-414 СС от 16 мая 1947 года, спасла жизнь многим из тех, кто уже потерял всякую надежду вернуться домой. Отправка на родину продолжалась и в следующем году. К 10 июля в лагерях области оставалось 9344 человека, из них 9292 немца, 5 австрийцев, 42 испанца и два гражданина СССР, помещенных за колючую проволоку за службу в тыловых войсках вермахта. 5786 немцев были признаны инвалидами и нетрудоспособными, а посему подлежали освобождению. Однако секретные инструкции запрещали репатриировать старших офицеров моложе 60 лет (таковых насчитывалось свыше 530 человек) и тех пленных, которые попали в поле зрения оперотделов (таковых насчитывалось 1700 человек). Всем этим лицам, несмотря на инвалидность и слабое состояние здоровья, путь на родину был заказан.

В 1949 году основная масса военнопленных покинула пределы Советского Союза. Задержанию оставшихся, тем более после заявления ТАСС о завершении репатриации, необходимо было придать форму законности. Так называемая Межведомственная комиссия из четырех человек, до боли напоминавшая Особое совещание, утверждала списки на отстранение от репатриации. В спешном порядке, в основном по статье 58-й УК РСФСР, выносились приговоры за шпионаж, бандитизм, преступления против порядка управления. В итоге среди обвинительных заключений оказались явно надуманные, шитые белыми нитками.

В Вологодской области последних военнопленных перевели в особые режимные лагеря, в частности, в лагерь № 211 под Вытегорой. В начале 50-х был расформирован и этот лагерь. Сегодня о пребывании военнопленных в нашем крае напоминают лишь кое-где сохранившиеся могильные холмики. А ведь надлежащее сохранение кладбищ военнопленных предусмотрено Женевской конвенцией 1949 года, последующими обязательствами, которые взяло на себя правительство России.

ФАКТЫ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ

Краткие сведения о лагерях, спецгоспиталях, отдельных рабочих батальонах военнопленных и местах их дислокации на территории Вологодской области.

Лагерь № 150. Организован в конце декабря 1939 года. Дислоцировался в 7 км от Грязовца на берегу р. Нурмы. Принимал сначала финских, а затем — польских военнопленных. В октябре 1941 года расформирован. Вновь организован в 1943 году. Расформирован в августе 1948 года.

Лагерь № 158. Организован по приказу НКВД СССР N 001156 от 5 июня 1942 года как лагерь-распределитель на десять тысяч мест. Военнопленные поступали с армейских приемных пунктов Карельского и Волховского фронтов. Впоследствии стал тыловым лагерем, имел семь лаготделений: л/о № 1 — Вологда, л/о № 2 — Устюжна, л/о № 3 — Чагода, л/о № 4 — пос. Бараново (Чагодощенский р-н), л/о № 5 — с. Богородское (Череповецкий р-н), л/о № 6 — Вологда (район льнокомбината), л/о № 7 — ст. Шарья (ныне в составе Костромской области). Расформирован по приказу МВД от 2 марта 1948 года.

Лагерь № 193. Место дислокации — г. Сокол. Имел лагерные отделения: л/о № 1 — г. Сокол, л/о № 2 — пос. Печаткино (ныне в черте г. Сокола), л/о № 3 — пос. Монза (Грязовецкий р-н), л/о № 4 — пос. Лежа (Грязовецкий р-н).

Лагерь № 437. Место дислокации — Череповец. Имел лаготделения: л/о № 1 — Череповец, л/о № 2 — Чагода, л/о № 3 — Вологда, л/о № 4 — Сокол.

Режимный лагерь № 211. Организован по приказу МВД СССР № 0411 от 8 июля 1948 года как лагерь для содержания «особой категории военнопленных». Приступил к работе в конце 1948 года. Дислоцировался в д. Ребово (ныне не существует) на территории Девятинского с/с Вытегорского района. Расформирован в начале 50-х годов.

ВЕЙДЛИНГ ГЕЛЬМУТ*. Родился в 1891 году в г. Хальберштадте. В войну с СССР вступил в должности начальника артиллерии 40-го танкового корпуса. 24 апреля 1945 года генерал-лейтенант Вейдлинг был назначен командующим обороной Берлина. 2 мая 1945 года сдался в плен и отдал своим войскам приказ о прекращении бессмысленного сопротивления.

В нарушение процессуальных норм (без решения суда) почти 7 лет содержался в Бутырской и Лефортовской тюрьмах. 27 февраля 1952 года Военный трибунал Московского округа в закрытом судебном заседании признал Вейдлинга «виновным в совершении убийств и насилий над советскими гражданами и военнопленными, в совершении преступлений против мира, против человечности, а также в нарушении законов и обычаев войны». Осужден к лишению свободы сроком на 25 лет. Наказание исчислялось с момента пленения, т. е. со 2 мая 1945 года. Кассационная жалоба осужденного на необоснованность приговора была отклонена.

Во Владимирской тюрьме Вейдлинг Гельмут в октябре 1953 года получил возможность переписываться с родными и получать от них посылки. К этому времени его здоровье было уже серьезно подорвано. В 1954 году Вейдлинг перенес инсульт. Особая медкомиссия ходатайствовала перед Владимирским областным судом об «активировании» заключенного, но Вейдлингу в освобождении было отказано.

После визита в Советский Союз канцлера ФРГ Конрада Аденауэра по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года были амнистированы последние 9 тысяч бывших военнослужащих вермахта. Однако Вейдлингу Гельмуту не суждено было вернуться на родину. В камере N 48 он умер 17 ноября 1955 года. Похоронен на Владимирском городском кладбище.

* ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654 (фото и данные на осужденного публикуются впервые).

БЕНТИВЕНЬИ ФРАНЦ*. Родился в 1896 году. В войну с СССР вступил, находясь на посту начальника 3-го отдела абвера (военная разведка и контрразведка). Последнее воинское звание — генерал-лейтенант. Вскоре после пленения помещен в Лефортовскую тюрьму.

Показания Франца Бентивеньи, данные им следователю 28 декабря 1945 года, фигурировали на Нюрнбергском процессе и касались прежде всего степени виновности абвера в подготовке и развязывании войны против СССР. Был осужден Военным трибуналом Московского округа в феврале 1952 года. В приговоре, в частности, говорилось: «...В 1941 году лично создал специальный орган, именуемый штаб „Валли“, который... осуществлял всю шпионскую и разведывательскую деятельность на советско-германском фронте...» Далее говорилось, что обвиняемый свою вину признал, но отрицает «участие в зверствах и злодеяниях». Приговорен к 25 годам лишения свободы.

После суда Франц Бентивеньи содержался во Владимирской тюрьме. В справке-характеристике, подготовленной на осужденного за несколько месяцев до освобождения, говорится: «За время пребывания в тюрьме нарушений правил тюремного режима не допускал и административным взысканиям не подвергался. В камере ведет себя спокойно, с обслуживающим персоналом вежлив... Стоит на точке зрения, что ни один честный немец... не смеет поступать на службу в армию, стоящую на платформе «куцей» Германии и дружбы с коммунистическим Советским Союзом». Освобожден из-под стражи на основании Указа об амнистии, и 10 октября 1955 года передан германским властям.

* ЦХИДК, ф. 463/п, д. 443 (фото и данные на осужденного публикуются впервые).

СГ № 5091. Как спецгоспиталь приступил к работе с октября 1944 года. Дислоцировался в Череповце. Имел свое кладбище. Расформирован в начале 1948 года.

СГ № 3739. Дислоцировался сначала в Вологде, затем в Череповце. В Вологде имел свое кладбище.

СГ № 3732. Дислоцировался в Вожеге. Имел свое кладбище.

СГ № 2715. Дислоцировался в пос. Чагода. Имел свое кладбище.

СГ № 1825. Дислоцировался в Череповце.

СГ № 3337. Дислоцировался в Бабаеве. Имел свое кладбище.

ОРБВ. Отдельный рабочий батальон военнопленных дислоцировался на станции Ломоватка (Великоустюгский район).

* * *

Из воспоминаний бывшего военнопленного германской армии Рудольфа Хершеля (пер с нем.)*

Я, Рудольф Хершель, 1925 г. р., был во время войны радистом на одном из аэродромов люфтваффе в Германии. 9 февраля 1945 года чуть восточнее Одера пленен. При этом случилось то, чего не должно было бы случиться во время войны. Нас было четверо немецких солдат и двое из нас сразу же после пленения были безосновательно расстреляны явно пьяным русским офицером. Мы маршировали потом вместе с другими пленными в Познань, где находился лагерь для военнопленных. В Познани в феврале-марте 1945 года мы демонтировали фабрику и грузили ее в железнодорожные вагоны. В начале апреля мы, военнопленные, и демонтированная фабрика поехали железной дорогой на Восток. Где-то между Москвой и Вологдой разгрузили оборудование. Нас, военнопленных, выгрузили в Вологде и отправили в Сокол. Там была бумажная фабрика. В одном из старых фабричных помещений был оборудован лагерь. Нас было примерно 1000 человек. На Сухоне был большой склад древесины и мы были обязаны разделять эту древесину, которая затем поступала на переработку. Распиловка древесины на свежем воздухе была под силу 20-летнему парню. Неприятно и опасно было поднимать затонувшие бревна из Сухоны, складывать их в штабеля. При этой процедуре было много несчастных случаев.

В целом же жизнь и работа в Сокольском лагере была вполне сносной. Не было особых оскорблений. Еды хватало. Главной проблемой была питьевая вода. Русские охранники пили воду из Сухоны

* Рудольф Хершель – профессор Высшего технического училища г. Ульм. В Вологде в 1991 году в переводе на русский язык издана его книга «Турбо Паскаль 4.0/5.0», посвященная современному языку программирования.

и никому не приходило в голову, что мы, немцы, не можем ее пить. Мы заболели. Понос, дизентерия. Летом 1945 года примерно половина из нас умерли от болезни. Было крайне тяжело. В августе 1945 года заболел и я — тоже от дизентерии. Весил я тогда 45 кг при росте 1 метр 80 см, и мне разрешили не работать.

В лагере был медпункт. Там русская женщина-врач очень заботилась о нас, больных пленных. И она также заметила, что мы все заболеваем только из-за питьевой воды. Когда в больнице стали давать кипяченую воду, нам стало лучше.

К середине октября 1945 года примерно от 30 до 50 % больных военнопленных смогли уехать в Германию. Наша русская врач список на репатриацию по состоянию здоровья составляла по алфавиту, я вошел в него как Гершель.* 30 октября 1945 года я все еще слабым и больным прибыл домой. Как Хершель я бы точно остался в Соколе и не пережил бы зиму 1945-46 годов.

Когда я сейчас, как пенсионер, вспоминаю дни пребывания в советском плену, то это время не назовешь, конечно, лучшим временем в моей жизни, но и ничего особенно страшного не было. Обращение было и не дружеским, и не враждебным, а корректным. С особым чувством я вспоминаю врача русскую. Возможно, она сегодня еще жива, но невозможно ее сегодня найти. В заключение вопрос: летом 1945 года умерли в Соколе несколько сотен немецких военнопленных. Есть ли там следы могил или, может быть, кладбище?

Заместителю председателя
областного Совета народных депутатов
т. Хрипелю Г. Т

На № 370/н-2 от 23.10.1991 года сообщая, что в результате работы по паспортизации мест захоронения иностранных военнопленных выявлено по г. Сокол и району: на городском кладбище имеется братская могила военнопленных.

В настоящее время данная территория покрыта бетоном и асфальтом и используется для траурных митингов 9 Мая. Восстановить кладбище военнопленных невозможно, т. к. это место включено в ансамбль памяти погибших советских воинов в 1941—45 годы и установлена стела «Родина-мать».

* При регистрации на приемном пункте военнопленных и в дальнейшем Хершель называл себя Гершелем.

На кладбище в районе РМЗ находится вторая братская могила военнопленных, заросшая березами, высаженными в 1947—50 годах. Данное захоронение можно восстановить и благоустроить. Затраты на это определяются после разработки проекта и согласования с сокольчанами, т. к. отношение к данному вопросу двоякое.

Заместитель главы администрации г. Сокол А. А. Тюхов.

Начальнику УВД Вологодского облисполкома
генерал-майору МИЛЬКОВУ

от Кольцова Ивана Александровича, проживающего
по адресу: г. Вологда, ул. Ярославская, д.14, кв. 13,
пенсионера органов МВД, инв. II гр.

На территории Вожегодского района, недалеко от поселка Вожега, имеются захоронения бывших немецких военнопленных. В 50-х годах (это сохранилось в моей памяти) там еще стояли на могилах березовые кресты. Сколько их было? Сейчас не помню. Мне кажется, не менее пятидесяти, а то и более. Сейчас на месте бывшего кладбища давно уже нет ничего, только лишь небольшие холмики кое-где напоминают о нем.

В настоящее время группа жителей пос. Вожега, в том числе и я, имеем намерения привести эти захоронения в надлежащий вид. Для этого нам крайне необходимы данные о захоронениях (имена, фамилии, даты их жизни).

Учитывая изложенное, просим Вас помочь нам в этом вопросе. По имеющейся у нас информации от Вологодского областного архива указанные выше данные должны быть в Информационном центре УВД.

С уважением — Кольцов И. А.

3.12.1990 г.

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

По оценке группы военных историков безвозвратные потери Красной Армии в годы Великой Отечественной войны составили 8668400 человек.* В это число вошли павшие на поле боя, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней, не вернувшиеся из плена, а также погибшие в результате несчастных случаев. Впрочем, в силу целого ряда причин можно усомниться в достоверности сделанного подсчета.

В любом случае Победа досталась нам дорогой ценой. По предварительным данным свыше 140 тысяч вологжан погибли на полях сражений. За этой цифрой людское горе, материнские слезы, несбывшиеся надежды ветеранов. Эхо минувшей войны берedit старые раны, взывает к Памяти ныне живущих, напоминает каждому из нас о его нравственном долге перед погибшими. Кто скажет, сколько вологжан среди 250 тысяч все еще не похороненных по-людски солдат Великой Отечественной? Нет, не умолкает грозное эхо минувшей войны!

Вероятно, многим приходилось слышать о так называемых солдатских медальонах. В Красной Армии они были введены приказом наркома обороны в марте 1941 года. Небольшой футляр (часто обычная гильза от патрона), в котором хранились два бумажных вкладыша с данными о бойце: один в случае его гибели отсылался в Центральное бюро по учету потерь рядового и сержантского состава, второй оставался в медальоне на тот случай, если в последующем возникнет необходимость идентифицировать останки.

* См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. — М.: Воениздат, 1993. — С. 129.

«Смертные медальоны», как окрестили их солдаты, до сего времени можно найти на местах прошедших боев. Летом 1991 года во время экспедиции на Кольский полуостров ребята из Ижевского поискового отряда натолкнулись на торчащие из земли останки человека. Кто-то заприметил лежавшую тут гильзу от автомата ППШ. Из туго скрученного пергаментного вкладыша выяснилось, что владельцем медальона является тридцативосьмилетний Петр Семенович Чуркин.

Боец числился похороненным. Мы это узнали, когда ездили к его вдове, Елизавете Петровне Чуркиной, в Белозерский район Вологодской области. Передали ей медальон, ремень погибшего мужа и горсть земли с места его гибели. У нас с собой был снимок этого места. Тоже отдали ей. Она этот снимок прижала к губам... Потом попросила нас помянуть Петра Семеновича по русскому обычаю. Долго рассказывала, какой он был, как работал по хозяйству в последний день перед уходом на фронт... (Из рассказа командира Ижевского поискового отряда Фаиля Ибрагимова.)

История солдатских медальонов по-своему печальна и поучительна. Штабисты не смогли своевременно обеспечить всех бойцов пергаментными вкладышами. Через год после начала войны в некоторых частях и подразделениях их имела лишь половина личного состава. В приказе командующего 14-й армией генерал-майора В. И. Щербакова, к примеру, говорилось: «...По итогам проверки выявлено: в 10-й стрелковой дивизии около 45%, в 14-й стрелковой дивизии около 20% солдат медальонами со вкладышами не обеспечено. В некоторых соединениях медальонов почти никому не выдано».

Приказом наркома обороны от 17 ноября 1942 года солдатские медальоны и вовсе были отменены. Глубинные причины столь неразумно принятого решения до сих пор остаются загадкой. Так или иначе, но только одним росчерком пера сотни тысяч павших бойцов были обречены на безвестность.

6400 уроженцев Кадуйского района участвовали в войне. В «Книгу Памяти» внесен 3331 человек, из них 1738 человек числятся пропавшими без вести. Рано овдовевшая крестьянка из д. Малофеево Аксиныя Исаковна Волкова проводила на фронт шестерых своих сыновей. Все шестеро не вернулись с полей сражений. Пропали без вести Иван, Михаил, Василий, Гавриил. Неизвестно место захоронения Александра и Степана.

После отмены солдатских медальонов на руках у бойцов остались только красноармейские книжки. Упраздненные накануне войны и вновь введенные по приказу НКО № 330 от 7 октября 1941 года они мало годились для установления личности убитого.

Зачастую документы были залиты кровью, обожжены настолько, что не прочесть ни имени, ни звания! К слову сказать, Сталин, лично подписавший упомянутый приказ, преследовал иные цели. Красноармейская книжка, снабженная фотографией, должна была помочь в выявлении шпионов и диверсантов в войсках, дезертиров — в тылу. Ибо мнилось вождю, что дивизии в Красной Армии «превратились в проходной двор». Что под видом раненых устремились в тыл толпы пораженцев и предателей... Нет однако худа без добра. При отсутствии медальонов красноармейская книжка давала хоть какой-то шанс на опознание личности погибшего.

Вахта Памяти-90.

Останки воинов, защищавших Оштинский рубеж (Вытегорский район)

В Великой Отечественной войне принимали участие 7088 уроженцев Тарногского района, из них 3515 человек не вернулись с полей сражений. В списки пропавших без вести внесено 2003 человека. Время неумолимо. Из оставшихся в живых ветеранов к 45-летию Победы в живых оставалось 554 человека, из них 238 инвалидов, 283 человека старше 70 лет. (По данным «Книги Памяти» Тарногского района Вологодской области.)

Как это ни горько сознавать, но навести приличествующий законам и обычаям войны порядок погребения павших в боях красноармейцев не удалось. Только 4 февраля 1944 года заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко отдал приказ устанавливать на солдатских захоронениях памятники с указанием воинских званий, фамилий и имен погибших, дат их гибели. Увы, через год пришлось констатировать, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания этому важному вопросу». Что касается организации солдатских похорон в первые месяцы войны, то здесь картина была жуткая. В директиве начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса от 23 декабря 1941 года говорилось: «Многие командиры, комиссары действующих частей не заботятся о том, чтобы организовать сбор и погребение трупов погибших красноармейцев, командиров и политработников. Нередко трупы погибших в боях с врагом за нашу Родину бойцов не убираются с поля боя по нескольку дней, и никто не заботится, чтобы с воинскими почестями похоронить своих боевых товарищей даже тогда, когда имеется полная возможность... Погребение убитых в бою часто производится не в братских могилах, а в окопах, щелях и блиндажах. Индивидуальные и братские могилы не регистрируются, не отмечаются на картах и должным образом не оформляются».

За годы Великой Отечественной войны из Вашкинского района на фронт ушли 3272 человека. Более половины не вернулись с поля брани. В список пропавших без вести внесено 908 человек. В списке военнослужащих, время, место и обстоятельства гибели которых известны, значатся 927 человек. Однако в графе «Место захоронения» напротив 177 имен и фамилий стоит прочерк. Еще больше в этой графе указаний на весьма приблизительное место захоронения. Где-то в Польше обрел свое последнее пристанище сержант Василий Андреевич Земсков. В лесах, а может быть в болотах Карелии, покоится прах рядового Виноградова Ивана Николаевича. Лежат то ли на просторах России, то ли на чужбине кости рядового Никулина Андрея Яковлевича, чье место захоронения обозначили три коротких слова: «На поле боя». (По данным «Книги Памяти» Вашкинского района Вологодской области.)

Объективности ради следует сказать, что иногда фронтовикам было не до торжественного ритуала похорон. Участник боев на Невской Дубровке, бывший офицер арtpолка Н. В. Огарев пишет: «На этом „пяточке“ мы потеряли, только по официальным данным, 75 тысяч солдат и офицеров! Стояла суровая зима. Одежда — легкое обмундирование! Промерзшую землю не раскопать ни зубами, ни лопатой. Делали укрытия из трупов погибших...»

22.06.90 г. На открытии памятника погибшим землякам в колхозе им. Кирова Нюксенского района.

Никто и никогда уже не узнает, сколько русских парней осталось лежать на поругание врагам в обстановке беспорядочного отступления первых месяцев войны. Нет страшной статистики заживо сгоревших, растерзанных на кусочки после прямого попадания фугасной бомбы, когда и хоронить-то по сути дела было некого.

23 июля 1941 года был призван на войну из д. Новое Погореловского сельсовета Иванов Николай Иванович. В декабре 1941 года отец пропал без вести на полуострове Рыбачий. Со слов ординарца Валенькова Василия, отец писал донесение прямо на пне, ожидался бой. Когда ординарец вернулся, не узнал местности: все было как будто перепахано, перемолото, кругом были погибшие, изуродованные тела... Отца моего больше никто не видел. (Из письма, адресованного составителям «Книги Памяти» Вологодского района Вологодской области.)

Сложившаяся к 30-м годам практика формально-казенного отношения к человеку проявила себя и в отношении к павшим воинам. Дела с учетом погибших и умерших от ран воинов обстояли из рук вон плохо. В приказе НКО от 12 апреля 1942 года констатировалось: «Большое количество писем в ЦК ВКП(б) и в Наркомат обороны от граждан, справающих о судьбе своих близких на фронтах, свидетельствует, что учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно. Многие войсковые части не посылают родственникам погибших установленных извещений, а штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших... Получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести еще более далеки от истины».

Почти 14 тысяч человек ушли на фронт из Устюженского района. До последнего времени считалось, что с полей сражений не вернулось 4,5 тысячи устюжан. Однако трехлетняя поисковая работа показала, насколько занижена эта цифра. В настоящее время выявлено 7025 погибших и пропавших без вести. (По данным «Книги Памяти» Устюженского района Вологодской области.)

Почти не изменилось в лучшую сторону положение с учетом погибших, умерших от ран и пропавших без вести и в дальнейшем. Сотни тысяч писем, обильно политых слезами матерей и жен, написанных дрожащей рукой старика и неокрепшей детской рукой, не находили ответа в Управлении учета потерь сержантского и рядового состава и пенсионному обеспечению их семей. После войны на Покровском бульваре, 8 в Москве вроде бы всерьез начали наводить

порядок в делах. В течение 1946—1947 гг. было оформлено около 2 млн. извещений на погибших и пропавших без вести военнослужащих. Наконец-то матери и вдовы смогли получить скромную пенсию по случаю потери кормильца. Да разве только в пенсии дело, хотя, конечно, в условиях послевоенной нищеты и разорения считать приходилось каждую копейку. Эти запоздалые «похоронки» были особенно тягостны, ибо отнимали у родных и близких последнюю надежду, надежду на возвращение сына, отца, брата.

Четверо сыновей Дмитрия Антоновича и Марии Яковлевны Тарелкиных ушли на фронт из деревни Гаврилово Киснемского сельсовета Вашкинского района. Пришли одна за другой похоронки на Николая, Василия, Павла. Долго не было никаких вестей от Андрея, ушедшего защищать Родину в сорок первом. Его ждали, ждали до светлого часа Победы, ждали и позже. В августе сорок шестого неутешное горе снова переступило порог дома Марии Яковлевны и Дмитрия Антоновича. Официальный бланк скупко сообщал, что красноармеец Тарелкин Андрей Дмитриевич пропал без вести в декабре 1941 года. (По данным «Книги Памяти» Вашкинского района Вологодской области.)

Только в последнее время стали открыто говорить и писать о такой категории военных потерь как пленные. Оказавшись в руках врага, люди эти были напрочь отвергнуты собственным правительством. По печально знаменитому приказу № 270 от 16 августа 1941 года семьи пленных красноармейцев лишались государственного пособия, а семьи пленных офицеров подлежали аресту. С большим трудом отыскивают сегодня имена и фамилии солдат, умерших за колючей проволокой немецких, а зачастую еще и своих лагерей, составители «Книги Памяти».

14 января 1993 года президент России подписал Закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Гуманный и своевременный закон. Надо только, чтобы исполнялся он как следует. Пока же есть веские основания для беспокойства. Под предлогом отвода земельных участков предпринята попытка уничтожить братские захоронения умерших от ран воинов в Кисловодске. В государствах Прибалтики множатся факты глумления над могилами советских солдат и офицеров. Демонтируются памятники воинам-освободителям в ряде стран Западной Европы. Правительство же России как-то робко реагирует на эти акты вандализма.

Более 14 тысяч череповчан сложили свои головы в борьбе с фашизмом. Из них 6077 человек до сих пор считаются «пропавшими без вести». Многие приняли смерть на чужой стороне. Погибли или скончались от ран в Польше — свыше 250, Германии — свыше 100, Венгрии — 69, Австрии — 28, Чехословакии — 23, Румынии —

20 человек. Есть могилы череповчан в Югославии, Финляндии, Норвегии, Дании, Китае. (По данным «Книги Памяти» Череповецкого района Вологодской области.)

Закон от 14 января 1993 года объявляет уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества «священным долгом всех граждан». Однако жизнь показала, что исполнение этого долга легло в основном на плечи людей неравнодушных, чутких на чужую боль и беду, глубоко осознавших, что, перечеркивая прошлое, мы лишаем себя будущего. Среди них составители «Книги Памяти Вологодской области» А. П. Шананина, А. Г. Юков, В. В. Смирнов, А. И. Хохрин, В. Ф. Ключев. В Нюксенском районе благородную работу по выявлению погибших и пропавших без вести земляков провел ветеран войны Владимир Павлович Сумарков. До конца выполнил свой долг перед павшими товарищами по оружию еще один ветеран — Алексей Алексеевич Едемский. «Книга Памяти» Тарногского района, составителем которой он является, вышла, увы, уже после его смерти.

Перечислить имена и фамилии всех составителей «Книги Памяти Вологодской области» и их помощников, к сожалению, невозможно. Их несколько сотен человек. Низкий им всем поклон от лица редющих рядов ветеранов, от каждой вологодской семьи, чей мирный покой нарушила война и навсегда унесла с собой близкого человека, от всех тех, кто еще только вступает в жизнь, ибо право на нее отстаивали погибшие Герои, увековеченные в скорбных столбах «Книги Памяти».

ГОВОРЯТ ПИСЬМА

5/XII-42 г.

Добрый день или вечер.

Первым долгом здравствуйте, многоуважаемые жена Саня и сыночек Славочка. Я Вам передаю от души искренний горячий привет и пожелания всего хорошего в вашей жизни, главное в вашем здоровье.

Саня, я от Вас получил письмо, за которое сердечно благодарю. Ваше письмо написано 19 ноября. Саня, я узнал как вы живете. Саня, вы еще просите, что-нибудь променять на муку. Саня, Вам виднее, что можно променять. Саня, я Вам еще послал генер 23 руб. Не знаю, получили или нет. Я Вам всего посылал четыре раза...

Саня, я Вам писал 7 писем, а от Вас за это время не получил ни одного. Или Ваши письма не доходят, или может вы не пишете. Саня, пиши письма чаще — будет веселее, быстрее пойдет время. Саня, я Вам послал справку, которую Вы просили. Не знаю, дойдет или нет. Как получите справку, напишите в письме, получили или нет. Саня, по этой справке можно требовать льготы. Саня, я пока живу хорошо, работаю. Все пока по-старому. Саня, пока писать нечего. Пока до свидания.

Ваш муж Ваня

Саня, передай привет Тихону, Валентине, Нине, Пете, Дарье Петровне. Саня, передай привет Нюрке. Пусть она хоть одно письмо напишет. Теще привет, Катерине Петровне, Вере, Володе и всем остальным знакомым. Пока до свидания. Шлите ответ, жду.

Ваш муж Ваня

Мой адрес: Полевая почта 1513, часть 218, Барсукову И.

Санинструктор **Иван Павлович БАРСУКОВ**, уроженец г. Великого Устюга погиб 26 февраля 1943 года.

Рисунок А. И. Садового
для своих детей Наташи и Вовы

Дорогая Шура, Мама, милые Вова, Ната!

Завтра иду в бой за Родину. Случиться может все, если не буду жив, то воспитай ребят как следует. Ну, а свою жизнь устраивай как хочешь, тебе виднее. Только не изобижай маму мою и ребят.

Учти что я только одну тебя люблю. Привет всем родным и знакомым. После боя сразу напишу. Будем надеяться, что все в порядке и вернемся с победой.

Крепко целую Вас всех.

Алексей.

Еще раз целую.

5.10.43 г.

Младший лейтенант **Алексей Иванович САДОВЫЙ**, уроженец г. Вологды, погиб 14 октября 1943 года

г. Сокол Вологодской обл.,
Торфяная улица д. 25, кв. 2
Ие Михайловне Ерковой
Полевая почта 17736 Д Михаил Акимович Ерков
14.VIII.44 года

Добрый день или вечер.

Здравствуйте, милая и дорогая моя дочка Ия.

Шлю я вам свой горячий и сердечный привет и желаю я вам, милая моя Ия, доброго здоровья и счастливого успеха в вашей жизни. Уведомляю я вас, милая Ия, о своем здоровье. В настоящее время жив и здоров, нахожусь на (зачеркнуто цензурой) направлении. Уведомляю я вас, Ия, в том, что я от вас получил письмо и от Али, писано вами 3/VIII 44 года, Али 27.VII.44 года, за что я вас благодарю и целую по тысяче раз. Еще я прошу вас, милая Ия, не присылайте мне денег, не отрывайте от себя, кушайте лучше. Разве стану я, милая моя Ия, проедать ваши трудовые деньги, я и так проживу — на пайке. Вы написали мне, что как продадите ягоду и получит мама получку, то пришлите мне. А у меня так и потекли слезы. Мне очень жаль вас, милые мои детки, так бы и помог вам, но пока не могу. Передай, милая Ия, от меня горячий и сердечный привет маме, Ангелине и милому Зотику. Затем до свидания, милые детки. Целую я вас без счету раз. Ваш папа М. Ерков.

Рядовой **Михаил Акимович ЕРКОВ** — уроженец Сокольского района погиб 1 сентября 1944 года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

ВСП —	военно-санитарный поезд
ВЦСПС —	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГВСУ —	Главное военно-санитарное управление
ГКО —	Государственный комитет обороны
ГУГБ —	Главное управление государственной безопасности (служба безопасности, входившая в НКВД в 1934—1943 гг.)
ГУЛАГ —	Главное управление лагерей
КГБ —	Комитет государственной безопасности (основан в 1954 г.)
МВД —	Министерство внутренних дел
НКВД —	Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ —	Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД —	Народный комиссариат иностранных дел
НКО —	Народный комиссариат обороны
ООН —	Организация Объединенных Наций
ППШ —	62-мм пистолет-пулемет конструктора Г. С. Шпагина образца 1941 года
РККА —	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РЭП —	распределительный эвакуационный пункт
УК РСФСР —	Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СНК —	Совет Народных Комиссаров
СССР —	Союз Советских Социалистических Республик
УИТЛК —	Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ЦИК —	Центральный Исполнительный Комитет
ЦК ВКП(б) —	Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЭГ —	эвакуационный госпиталь

АББРЕВИАТУРА АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Архив ВММ —	архив Военно-медицинского музея (Санкт-Петербург)
Архив УВД ВО —	архив Управления внутренних дел Вологодской области
ВОАНПИ —	Вологодский областной архив новейшей политической истории
ГАВО —	Государственный архив Вологодской области
ЦГАИДСПб —	Центральный государственный архив исторических документов Санкт-Петербурга
ЦХИДК —	Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив», Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Тайны лагеря НКВД	5
Трагедия эвакуации	19
Письма отдела под литерой «В»	31
Возвращение в строй	41
«Без конфискации имущества...»	49
«Направляются на лесоразработки...»	57
За колючей проволокой	67
Эхо минувшей войны	79
Список сокращений, встречающихся в тексте. Аббревиатура архивных учреждений	89

Виктор Борисович Конасов
Валерий Васильевич Судаков

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ
Из истории Вологодской области

Художник *Н. И. Мишуста*
Технический редактор *С. Н. Зазулина*
Корректор *А. Д. Чухина*

Подготовка оригинала-макета
осуществлена на базе издательско-полиграфического центра
Вологодского ИПКиППК

Сдано в набор 1.12.93. Подписано в печать 17.01.94. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Гарнитура Балтика. Уч.-изд. л. 5,35. Усл. печ. л. 5,91.
Тираж 5000. Цена договорная.

Вологодский ИПКиППК, 160012, Вологда, Козленская, 114.
Полиграфцех Северного лесостроительного предприятия.
Вологда, Некрасова, 51.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вологодского
института повышения квалификации
и переподготовки педагогических кадров

*Помощь в издании книги оказали
Управление образования администрации Вологодской области,
а также:*

"Русский Дом Семья"

АО "Центральная Русская Компания",

Вологодский коммерческий банк "ВАСКБАТК"

Вологодская универсальная биржа "Белка"

Спасибо Вам, господа!

2406M 050
4.09.25 070

400?

